

- - [Миссионерский путь в Японию](#)
    - [Путь до Константинополя1](#)
    - [Путь от Константинополя до Афин](#)
    - [Путь от Афин до Рима, через Бар-град](#)
    - [Достопримечательности Рима](#)
    - [Путь от Рима до Японии](#)
    - [Путь от Америки до Японии](#)
- [Примечания](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)

Введение

Содержание

Миссионерский путь в Японию

Путь до Константинополя¹

Сентября 3 числа минувшего 1898 года исполнилось ровно год, как получена была телеграмма о назначении архимандрита С. и меня миссионерами в Японию. До Японии по дороге мы видели отчасти и Старый, и Новый Свет, то есть Европу и Америку; кое-что там наблюдали, читали и слышали; интересного в наших наблюдениях немало. Поэтому находим не лишним поделиться и с нашими читателями теми впечатлениями, какие мы вынесли из своего далекого, хотя и очень скорого путешествия. В дороге я тщательно вел дневник и теперь постараюсь только перепечатать его, по возможности в самой объективной форме.

Итак, я еду в Японию, на Дальний Восток, чтобы там, при помощи Божией, потрудиться в деле распространения Света Христова Евангелия среди язычников-буддистов и синтоистов. Вспоминается теперь все, что постепенно привело меня к этому концу. Признаюсь, в семинарии я, кажется, ничего не знал о нашей Японской миссии: такова уж наша судьба, что наши семинаристы редко знают деятельность своей Церкви, а поэтому и выходят из семинарии редко с широким и светлым церковным сознанием. Узнал я о православии в Японии и о преосвященном Николае, тамошнем апостоле, уже в академии, где во время моего поступления в академию (Московскую) жизнь церковная была ключом около ее ректора. Отчасти и я сделался некоторым звеном в этой жизни, принимая участие в широко заведенной церковности академической. В продолжение первых двух лет я ходил как кандидат монашества, ибо я уже заявил свое желание быть монахом и выжидал времени, как мне то будет разрешено начальством. Перед самым началом занятий на третьем курсе, 1-го августа, я был пострижен в монашество. Как раз в это время возвратился из Японии бывший там отец С. С ним я почему-то весьма скоро близко сошелся, и мы многое и о многом рассуждали. Он многое рассказывал о Японии. Но разговоры эти были для меня тогда только как бы предметом любознательности, ибо тогда я весь был занят предстоящим и только что совершившимся пострижением в монашество. Да и после долго эти разговоры служили для меня только воодушевляющим средством вообще к деятельной церковной жизни. Для меня тогда самую сердечную мечтою была жизнь наших духовно-учебных заведений. По поводу разговоров о Японии я размышлял: вот люди трудятся самоотверженно и целую жизнь для чужой страны, исполняя слово Христово; нам ли не стараться для своего-то народа? Нужно душу свою положить, чтобы наши духовные воспитанники выходили из школы людьми с высокими пастырскими и вообще церковными стремлениями, чтобы они действительно являлись светочами в мире, а не погрязали в его тьме разных веяний и умствований.

Прошел год, и мы с отцом С. (он тогда был инспектором Московской академии), как больные, оказались в Самарской губернии на кумысе. Отец С. постоянно с некоторым сожалением говорил о Японии и все толковал о возвращении туда. Признаюсь, я тогда ему отговаривал это: если уж возвратился, так зачем в другой раз ехать туда, разве здесь дела мало? Да не переделаешь, за что ни возьмись, да и людей-то на все не хватит. На кумысе между прочим мы занялись чтением писем отца С. из путешествия до Японии и из Японии к родственникам. Эти письма читал покойный архиепископ Владимир Казанский и советовал непременно отпечатать их как весьма интересные. С целью приготовить их окончательно для печати мы и читали их. Во время чтения часто и поднимались споры относительно возвращения отца С. в Японию. Однажды это было так серьезно, что мы едва не поссорились. Но удивительное дело, после этих споров я в душе решил, что отцу С. лучше возвратиться туда, иначе он здесь заскучает, мучаясь совестью, что оставил святое Божие дело. А если он туда

поедет, то и я с ним вместе туда же непременно. Так я и решил в душе, хотя твердо предполагал, что отца С. не отпустят вторично из России, как человека весьма нужного, а значит, и мне там не бывать, ибо один я не поехал бы. С такими мыслями мы и возвратились в академию. Осенью отца С., как больного, назначили настоятелем нашей посольской церкви в Афинах. Я писал кандидатское сочинение и мечты о Японии не оставлял, хотя держал ее под великим сомнением. О Японии мы часто переписывались с отцом С. Когда я окончил курс, нам в Японию ехать не пришлось, нас непустили. Я год прожил в Кутаиси, а отец С. — в Афинах, и часто опять переписывались о Японии. Между прочим, помню я ему писал: «Если Богу угодно, чтобы мы были в Японии, так это непременно так и будет, и обстоятельства так сложатся, и поэтому будем спокойны. А мне сдается, что мы непременно там будем». И по истечении того года наши мечты тоже не сбылись: мне пришлось перебираться в Ардон, на Северном Кавказе, в Александровскую Миссионерскую Духовную семинарию, а отец С. остался в Афинах. В Ардоне я с любовью предался семинарскому делу. Семинария там имеет значение рассадника Православия и просвещения на всю Осетию. Преданный делу и мудрый ее основатель архимандрит И. так прекрасно поставил семинарское дело, что теперь, через 10 лет от основания, семинария совершенно изменила все лицо земли осетинской. Из семинарии выходят прекрасные учителя и священники, с ревностью насаждающие слово истины. И теперь бедные осетины, прежде не имевшие понятия ни о школе, ни о Церкви, теперь сами на последние гроши заводят школы, платят жалованье учителям, стараются строить храмы; отпадавшие от Церкви в магометанство или просто ослабевшие постепенно возвращаются. Вообще, Ардонская семинария явилась действительно светом для Осетии, какую цель и имели при основании ее. Я с любовью предался этому делу: весной разъезжал и по школам, теперь уже многочисленным, и на деле видел жажду и усердие осетин к возродившемуся церковному делу. Приятно было видеть этих горных вояк, постепенно из дикарей превращающихся в мирных граждан, приятно было видеть их любовь и усердие к храму и школе, на которые они тратят все свои силы. По местам в горах на своих плечах они перетаскивали громадные бревна, так как дорог нет, кроме как для пешехода или для одной лошади верховой. Между тем в течение года (от октября до сентября) я узнал подробно и на месте все дело Осетии и полюбил ее душевно. Никуда бы я не желал оттуда уходить или быть переведенным. Неожиданно в июле месяце я получил из С.-Петербурга письмо от отца С. о том, что он решил ехать в Японию и в Святейшем Синоде указал на меня как на могущего ехать с ним туда же. Но меня не хотели убирать из Ардона. По этому поводу отец С. и спрашивал меня, как я мыслю теперь о поездке в Японию. Большую скорбь доставило мне это письмо. Подумал, поволновался я и, предполагая, что, может быть, и действительно меня из Ардона не уберут, а также и то, что в конце концов все будет по воле Божией, написал отцу С., что мое намерение остается по-прежнему, хотя я теперь совсем не желал бы оставлять Ардон, ибо он мне стал родным. Я знал, что ректор семинарии архимандрит И. не согласится на мой уход из Ардона, поэтому, чтобы не поставить его в неловкое положение, да и располагая на волю Божию, я и не советовался с ним. После этого я так и оставался спокоен, что все пойдет по-старому; я спокойно подготовлялся к приезду учеников, потом начались переэкзаменовки и приемные экзамены, пришлось много волноваться, так как новичков понаехало почти втрое больше, чем можно принять в семинарию, а ребята все хорошие, отпускать совсем бы не хотелось назад; с немалыми затруднениями нам пришлось принять сколько можно больше, чтобы иметь большое количество потом деятелей для Осетии. И как раз после этого — телеграмма о моем назначении в Японию. Признаюсь, это меня в такую печаль ввело, что я плакал, и весьма рад бы был, если бы сего не случилось, чтобы мне по-прежнему оставаться в Ардоне. И ректору архимандриту И. не хотелось меня отпускать; приняты были некоторые меры к тому, чтобы мне оставаться в Ардоне, но все уже было решено,

и я должен был покинуть Ардон. Съездил я в последний раз в горы на освящение школы и, провожаемый напутствиями и пожеланиями, 21 сентября выехал из Ардона в С.-Петербург. Грустно мне было расставаться с Ардоном, но это-то и вложило мне мысль, что не так живи, как хочется, а как Бог велит, что по возможности не имей никаких конечных, хотя бы и благородных привязанностей, ибо всякая привязанность уже по самому своему имени есть ограниченность и несвобода духа, а ведь к этой именно свободе духа мы и должны всячески стремиться; напротив, делай всякое данное тебе дело, высокое или среднее, и даже по видимости унижительное, как самое свое задушевное дело, ибо оно есть только поручение свыше для единой истинной цели всего мира, а не самоцель. «И увидел Бог, сотворивши мир, что все весьма прекрасно», именно потому, что всякая вещь, сотворенная прекрасно, исполняет назначенное ей дело, почему весь миропорядок в такой прекрасной гармонии. Вот к этой-то преданности воле Божией и мы должны стремиться. На этом я постепенно и успокоился. Помогите мне, Господи, дело проповеди в Японии делать именно как Твое поручение. А признаюсь, теперь я даже с некоторым трепетом и трусостью еду в Японию: волнуясь за то, как я возьмусь за такое великое, многостороннее и широкоцерковное дело, не имея за собой ничего, кроме некоторого желания трудиться с добрым намерением и на добро всем, по слову Божию. Трепетно предстать и пред лицом Преосвященного Николая Японского, этого великого апостола нового времени, из ничего восставившего большое дело (за 37 лет его пребывания в Японии насчитывается православных 20—23 тысячи приблизительно, причем главным образом трудился он один, ибо другие миссионеры возвращались обратно).

После Ардона я был в С.-Петербурге, потом у родных, затем в Москве и в Казани, чтобы проститься с родными и знакомыми, может быть надолго, а с некоторыми и навсегда. Проездом был в Киеве, осмотрел с великим наслаждением тамошние святыни и достопримечательности, был в пещерах, наслаждался лаврским пением и, получивши благословение у владыки митрополита, на курьерском поезде отправился в Одессу. Там я остановился в гостинице «Империал», справил дела по багажу, купил билет на пароход до Афин, куда отцу С. нужно было заехать, чтобы сделать дело и захватить свои вещи. Долго я проискал контору Русского общества пароходства и торговли, ибо никто почти не мог толком разъяснить, где именно она. По заграничному паспорту меня приняли за курьера и взяли только за продовольствие. Измучившись сильно, я сходил в баню, потом отдохнул немного и пошел ко бдению в собор (суббота 25 октября). В последний раз я стоял среди русского народа в храме Божием; весьма было утешительно видеть сильную веру и усердие русских к делу Церкви. Народу в соборе было весьма много, полон собор, и все публика чистая; молятся весьма хорошо, сосредоточенно, после службы почти все с благоговением целовали иконы и выходили чинно, без шума и не торопясь. Пение хорошее, резонанс прекрасный, везде слышно и чтение. Собор весьма большой и очень хороший, в виде базилики, весь открытый посредине, с тремя престолами. Храм усердно был освещен свечами от теплого сердца русского человека, не умеющего молиться без дара или Богу, или бедному во имя Божие. Утром с 6-ти часов я ходил туда же к ранней литургии. Несмотря на ранний час, народ валил туда толпами и набралось почти полно; просфоры на поминовение приносили до «Верую»; после обедни общий молебен; «Херувимскую» и «Достойно» пели киевско-лаврскую с некоторыми сокращениями. Вся служба прошла очень стройно; жаль только, что батюшка все время должен был вынимать просфоры, пусть бы для этого приходил другой священник соборный, чтобы служащий мог служить литургию, как предстоящий пред Богом за народ. Ведь эта забота о вынимании просфор может привести к тому, что в богослужении пастырь утратит всякое воодушевление и для молящихся у него не найдется много духовной силы на утешение и ободрение. Ведь великую тайну спасения всех нужно и совершать именно как тайну благодати, а поэтому

самому совершителю ее нужно восчувствовать это, войти в дух священнодействия как можно глубже, чтобы престол был действительно небом — сидалищем Царя славы, а священник — ходатаем за народ. Но едва ли это возможно при указанной хлопотливости о внешнем.

Отец архимандрит С. приехал на час позже расписания, и если бы наш пароход отошел как раз по расписанию, то пришлось бы отцу С. остаться в Одессе, а мне за границу ехать одному. Наш пароход «Император Николай II» замечательно большой (по этой линии — до Александрии), чистый и изящный, с большими удобствами. Командир, обрусевший немец, весьма любезный. От нечего делать долго я смотрел, как в разных местах и над разными грузами без устали работала лебедка. С трудом загоняли в пароход стадо баранов и быков, причем последних с опасной борьбой и усилиями; бедные животные, должно быть, чувствуют, что не на радость загоняют их в это страшное, хотя и красивое стойло: упирались, ревели, бились, остервенели до того, что глаза как будто вылететь хотят; их перепутывали веревками, напускали одного на другого, надеясь измучить их взаимной борьбой и потом усмиренных втащить на пароход; иногда быки становились до того свирепыми, что силились перервать веревки, и тогда была бы беда всем их усмирителям, которые спешили забраться кто куда может; и все-таки пришлось в конце концов быков связать и на брезенте лебедкой поднять на пароход.

По незнанию я своего паспорта не предъявил предварительно, но жандарм отрыл меня и перед самым уже отходом парохода попросил у меня, стараясь быть как можно деликатнее в обращении, мой паспорт на отметку. Жандармы тщательно выходили и высмотрели весь пароход, залезли даже в самый внутренний трюм к овцам и только после этого отпустили пароход (в 12-м часу дня, на час позже расписания).

В 1-м классе пассажиров от 15—20 человек только. Беседа больше о пароходных делах, но как-то не вяжется, все почему-то держат себя натянуто, стараясь как будто быть людьми великосветскими и важными. Почти все пассажиры только до Константинополя. 26 октября весь день погода стояла прекрасная: до вечера была приятная прогулка по морю. Ночью была небольшая качка и небо уже заволкло тучами. А к Константинополю стал моросить дождь. Вся красота вида Босфора и проч. пропала. Отчасти видна панорама громоздящихся одна на другую высоких построек почти с самого моря, кругом траурная скромная растительность, наводящая больше меланхолию и негу, которую так любят все народы Востока. Но при ясной погоде действительно прекрасный вид представляет Босфор: постоянная смена разнообразных и причудливых картин природы, окрашенных в разные цвета и тени. В Босфоре засели на мель, так как красный бак снесло в сторону и фарватер поэтому изменился, боковой ветер еще более накренил пароход на мель, и поэтому повертелись тут долго. На берегу в крепости всполошились турки, так как мы против самой их стражи принялись измерять глубину и узнавать грунт дна, но потом, заметивши пущенную пароходом ужасную муть, успокоились и убралась в свои конуры, тем более, что и дождь лил порядочный.

В Константинополе на якорь встали в 4 часа вечера 27 октября, как раз против самой Святой Софии. Скоро и стемнело, так что любоваться долго туманным видом не пришлось. Приходившие на пароход афонские монахи с подворья завтра утром обещали прислать своего проводника Лазаря, чтобы мне с ним побывать в Святой Софии и послать телеграмму от отца С. в Афины. Ночью спал плохо: дул всюду ветер и было холодно, открыли верхние окна, а тепла не прибыло, так как машина не работала. В 7 часов я уже был готов, но Лазарь явился только в половине 10-го часа. С ним от набережной мы долго шли или, лучше сказать, бежали по узким грязным улицам азиатской части города; везде спят и валяются грязные и рваные собаки, которыми так богат Константинополь; везде поразительная грязь и вонь; везде теснота и толчок, причем пешие несколько не беспокоятся, когда им кричат проезжие. Все оглушительно кричат и лопочут и вообще ведут себя более провинциально, а не так, как следовало бы в большом, да еще

столичном городе. На меня встречные турки смотрели с любопытством, как на нового человека: на мне была манчестерская камилавка, а греческое духовенство и афонские монахи носят суконные камилавки, сверху расширенные. Извозчики безжалостно запрашивают: за час езды запросил 2 меджида (3 р. 20 к.), а согласился на один меджид.

При входе в Софию турок тотчас же вынес две изношенные подошвы, именуемые туфлями, и протянул руку, в которую я и вложил 2 чирека (74 коп.). Предо мной открылась Святая София во всем ее древнем величии, хотя и запачканном магометанами. Вся она открыта со всех сторон: где ни стоять, всюду виден весь внутренний храм. Она есть как бы громадный величественный свод небесный, покрывающий все видимое пространство; и все это так легко и свободно висит над вашей головою. По местам обозначаются запачканные изображения Христа, креста Христова и т. п., — время все-таки постепенно сглаживает все, что непрочно в природе, какова вся турецкая пачкотня по христианской мозаике, с целью изгладить всякий след ненавистного магометанам христианства. Но нет: как помалу проявляются христианские изображения и знаки, так проявится и истинное назначение сего дивного сооружения мудрого царя Юстиниана. Будет некогда день, и Царь-град снова будет осенен знаменем Креста, а знак заходящей и ущербующейся луны действительно зайдет, чтобы дать место истинному свету. Это сознают и сами турки: при взятии Софии ярые мусульмане хотели уничтожить в ней всякий след христианства, хотели стереть всю чудную мозаику, но тогдашний мудрый султан запретил, говоря: все равно придет время и опять, может быть, София будет не в наших руках, а перейдет опять к христианам, пусть же все это остается как памятник христианской древности. Он велел только закрасить все христианское и обратить христианский храм Премудрости Божией в мечеть. И теперешние турки как будто сознают свое временное обладание Софией: они нисколько не заботятся о ее чистоте как о месте, которое все-таки от них отойдет скоро ли долго ли. Внутри теперь все пусто, никаких особенных украшений нет, по полу постланы грязные и рваные ковры. В разных углах слышны молитвы магометан, исправляющих полдневный намаз. И замечательно чудный храм: из одного конца его слышно в другом, хотя богомольцы и не громко говорят свои молитвы. Удивительно, почему у нас в России не выстроит ничего подобного Святой Софии в архитектурном смысле, а непременно всякий храм загромождают множеством колонн да переплетов, почему в них и не видно и не слышно ничего. Нельзя сказать, что теперь архитекторы не могут построить ничего подобного: ведь у турок все мечети почти построены и строятся в таком же роде. А турки, хоть и обратили Святую Софию в мечеть, а все-таки смотрят на нее как на чужое строение и поэтому, чтобы затмить ее, рядом выстроили другую подобную ей мечеть, которая со стороны Мраморного моря и закрывает Софию. Но зато эта мечеть даже по внешнему виду не имеет величия Святой Софии: на ней все нагромождено да наклепано по мелочам, обличающим подражание, а не создание мудрого строителя; в Софии и внутри и снаружи все важно и величественно, что сразу показывает широту взмаха умелой руки с тонким пониманием высокого дела.

Итак, мы теперь уже далеко от России и плывем в странах чужих и к народу иному, неизвестному. В последний раз в Одессе я молился среди дорогого мне народа Русского. В последний раз и надолго, а может быть, и навсегда я насмотрелся на широкое море веры, которую богат наш народ. Достаточно малого внимания к его духовным нуждам, и наш народ богато проявит всю силу своей церковности. Недаром он вышел победителем из всех постигавших его невзгод во всю тысячелетнюю известную всему миру историю. Вера православная спасла его, но и сама она, как бы закалившись в этих бедах, сложилась в целый характер народной жизни русской. Ни у одного народа его религия не сделалась как бы свойством самого народа, а народ Русский действительно впитал в себя свое православие, которое стало духом его жизни. Деятелем спящим пришел враг нашего спасения и в лице

западничающих разных радетелей народных, утративших прочную почву для себя, посевае разные плевелы; и нужно сказать, что он имел в своем деле успех, создавши разные секты и расколы на Руси. Но вот сам народ наш, этот богатырь по природе, просыпается и начинае тряхать с себя всех непрошенных радетелей, снова дерзновенно восстае прежний строгий православный строй жизни, а разные новшества мало-помалу иду во тьму и неизвестность, где им и место. Мало того, со всех сторон народы, утрачивающие всякую устойчивость в своем быте, с упованием посматривают опять-таки на сего же богатыря — русский народ и ждут от него себе духовной помощи и просвещения, не поддельного, а прочного, основанного на вечных и самобытных началах откровения. Дай Бог, чтобы наш народ действительно сумел явиться светом для всего мира, чтобы он был мудрым и сильным проповедником истины Божией для жаждущих ее, чтобы постепенно все пришло к Единому Пастырю в одно стадо. С сердечною любовью оставлял я это дорогое мне Отечество и горячо желал того, чтобы Бог помог нам и иному народу возвестить устои жизни русской, чтобы и сей народ усвоил дух православия и помощь Божией сделался таким же православным во всех отношениях, как его сосед.

Путь от Константинополя до Афин

В 3 часа дня 28 октября снялись с якоря в Константинополе и под некоторой качкой идем до Смирны, но по дороге за полночь должны еще остановиться в Дарданеллах, чтобы принять оттуда солдат, и в Митилене.

Октября 29. В Дарданеллах не останавливались, так как при сильном ветре турецкие солдаты боялись пострадать от качки и на пароход не выходили. Перед Митиленой не успели еще остановиться, как на пароход уже вскарабкались каким-то образом туземцы греки, цепляясь за все как обезьяны и наперебой затаскивая к себе в лодки пассажиров и их пожитки. Поднялся невообразимый крик на разных странных языках, среди которых не слышно было, вероятно, только русского; все кричали на разные лады, стараясь как можно перекричать друг друга и захватить к себе пассажиров; слышны были крики как бы погибающих и отчаянными воплями молящих о помощи. С вещами и пассажирами лодочники обращались совершенно одинаково, перебрасывая и переталкивая все, как чурки. Вот девчонку-турчанку лодочник быстро одной рукой схватил с лестницы из толпы, она закричала и запищала, очевидно испугавшись, что висит над водой, а там внизу все спорят и кричат; тогда он и совсем забрал ее к себе под мышку и потом, как мячик, перебросил в лодку; та еще пуще заревела, одна оказавшись в корме и с ужасом посматривая, как вздымались волны и поднимали одну лодку выше другой, причем казалось, что вот-вот сейчас одна лодка влетит в другую и все раздавит под водой. Вот другой с дикими на выкате глазами лодочник, по виду больше похожий на горного разбойника, схватил с лестницы турчанку за пояс, а потом за ногу и живо перебросил ее к плачущей девчонке, которая успокоилась и уже весело смеялась, чувствуя себя не одной, а, может быть, снова оказавшись рядом со своей матерью, хотя и среди страшной сутолоки чужих и сердитых людей. Вот с парохода носильщик бросил целую связку всяких одеял и тюфяков, но вместо лодки прямо-таки угодил в море; брошенное вытаскивают с ругательствами и проклятиями бросившему и выколачивают воду: хороша будет на ночь постеля несчастному путнику. Вот, цепляясь за разные гвоздки и гайки, едва выдающиеся на стенках парохода, сюда взобрался еще лодочник и, от усилий при подъеме как бы ошавевший, набрасывается на всякого, как сумасшедший, с трудом выкидывая изо рта какие-то членораздельные звуки, — подумаешь ругательства, а вероятно, приглашает в лодку, чтобы доставить на берег в приятную гостиницу. Но вот с берега возвратился помощник капитана парохода и получил разрешение встать на якорь; трапы опустили, суматоха тут еще больше поднялась: буквально скакали и бросались один через другого, по-видимому нисколько не опасаясь столкнуть соседа или от него быть столкнутым и полететь в бурное море, может быть, навсегда, вместо того чтобы попасть на берег, как будто пароход вот-вот уйдет опять в море. И это обыкновенное дело — сесть в лодку — вышло целым скандалом. Только и слышны крики и взвизги, причем вся эта разношерстная толпа все-таки понимает свой своего. Вот один пассажир, бросивший свой багаж с парохода в лодку, сам попал в другую и, заметивши свою ошибку, указывает лодочнику на ту лодку, но хозяин не пускает, а может быть, и уверяет, что-де не беспокойся, все равно довезу, а добро не пропадет, ведь мы знаем друг друга, хоть кричим один на другого; пассажир покричал, да и поехал на берег. С ветреной стороны трап стали поднимать; бывший в это время на трапе и перекрикивавшийся с хозяином или с лодочником носильщик вдруг стал припрыгивать на приподнимавшемся трапе, сначала он хотел было браниться, потому что глаза его приняли еще более свирепый вид, а потом заметил на пароходе смотревшую в его сторону голову помощника капитана и сам поскакал торопливо наверх, припрыгивая, с опасностью незаметно слететь в воду. И долго еще

потом продолжалась эта суматоха крика, возни, брани и проч. В Митилене мы стояли от 10 до 12 часов дня 29 октября. Городок красивенький, тянется панорамой домов, высящихся один над другим по горам и горушкам среди стройной и навевающей меланхолию восточной растительности. Вдали на горе виднеется хорошая православная греческая церковь.

В Смирну нужно было поспеть до заката солнца, иначе не пустят, по мусульманскому обычаю. Мы пришли как раз перед закатом солнца, около 5-ти часов. При остановке та же самая безалаберная осада лодочников, что и в Митилене. Смирна большой и очень красивый город. На горе виднеется памятник на месте мученической кончины св. Поликарпа Смирнского. В другой стороне видны прекрасные греческие храмы с высокими куполами и даже колокольнями. По сторонам возвышаются покрытые разнообразною растительностью горы. По городу ходит конка, слышны свистки железной дороги. На рейде стоят два броненосца: белый прекрасный американец, появившийся здесь, вероятно, после того, как в армянскую резню турки кстати избили здесь и американских миссионеров (за что, не знаю), и серый немец, кажется «Августа», первый выпаливший в критян в последнюю греко-турецкую войну. Стоят и грязные турецкие броненосцы, — вероятно, без всякой службы, да и без людей, как подобает турецкому флоту, по крайней мере, на этих броненосцах не заметно никакой жизни.

Октября 30. От самой середины Черного моря очень холодно, дует холодный и все усиливающийся ветер. Есть и качка порядочная, но я пока не ощущаю ее скверного действия: что-то будет дальше? Сегодня утром погода по-прежнему холодная и ветреная, на берег неприятно было сходить, и я только с парохода любовался на Смирну. В 2 часа дня снялись с якоря и идем прямо до Пирея, нужно было остановиться в Хиосе, но оттуда даже сигнал был, что по случаю разгулявшегося ветра сообщения с берегом не может быть. С 10 час. вечера ветер разгулялся с такой силой, что наш пароход, очень большой сравнительно, качало и кидало во все стороны. Разгуливая по палубе, невольно приходилось приседать к полу, так как пароход принимал положение валяющегося с одного бока на другой, так что трудно было устоять на своем месте, а если потерять равновесие, то и в воду можно угодить. Я пошел в каюту, разделся и лег в постель, но имел неосторожность закутаться одеялом: желудок скоро согрелся, и качка начала было на меня действовать худо; я поторопился освободиться от одеяла и скоро спокойно заснул и проспал до 7 часов.

Октября 31. Оправившись после сна, поспешил на палубу освежиться и полюбоваться здешними видами. Холод как будто еще усилился, а горы кругом покрылись даже снегом. Скоро издали открылись Пирей и Афины, виднелись Акрополь и гора св. Георгия. Перед Пиреем нас нагнал египетский пароход, который из Константинополя должен был выйти позже нас и прямым рейсом прийти в Пи-рей раньше нас и уже уйти оттуда еще вчера вечером; оказывается, после нашего выхода из Константинополя поднялся такой страшный ветер и снег, что тот пароход не смел даже и с якоря сняться и вышел уже на 16 часов позже. Ночью его качало сильнее нас, ибо он много меньше нашего парохода. Чтобы войти на стоянку в гавань, пароход наш должен был сделать крутой поворот, что потребовало много времени, так как поворачиваться очень тесно. Не успели еще якоря бросить, как масса греческих лодок напали на пароход, как голодные воронье, крича на всякие лады, так что шум поднялся гораздо больший, чем в Митилене. Через посольского комиссионера Ан-жело мы без всякого таможенного осмотра получили свой багаж. Машина от Пирея до Афин ходит через полчаса. До вокзала прошли пешком и постоянно видели то полунагих беглецов полуразрушенной Фессалии, которую турки во время схватки с греками разнесли совершенно и опустошили, то полуодетых солдат-добровольцев, которых теперь выпустили из армии на произвол судьбы. Очень грустно смотреть на тех и других. Их положение хуже, чем французов, бежавших из Москвы в 12-ом году: последние бежали из неприятельской страны, а эти бродят по своей родине и даже по

столице, и никому до них дела нет; когда они только еще шли на войну, тогда все греки, особенно столичные, провожали их с пением и ликами и т. п. овациями, а теперь, разбитых, никто и куском хлеба накормить не хочет. Понятно, что всей этой голой и голодной бродячей команде ничего не оставалось, как пуститься в грабеж, и они действительно разносили целые магазины и т. п. и даже почему-то недавно разнесли порядком бельгийское посольство.

На полях между Пиреем и Афинами видны несчастные греческие войска, проделывающие школу военного искусства, очевидно на деле научившись, как опасно иметь дело с вооруженным врагом, не запасшись против него ни оружием, ни военным искусством, ни средствами и т. п. Но теперь уже поздно, теперь, греки, пора бы вам помириться и не гордиться, а лучше делать самим свое дело внутреннего упорядочения... Нет, они еще и теперь говорят, что все-таки победят турок, только вот прежде вышли не совсем готовыми.

Афины — городок небольшой, красивый; церковей видно порядочно, хотя, большею частью, церкви небольшие; улицы узкие и грязные. Нравы самые восточные: все идут и кричат, а некоторые даже поют, как будто у себя в саду. Около 11 часов утра мы были с отцом архимандритом С. в квартире посольского священника; квартира нанятая, не очень большая и не совсем благоустроенная. В комнатах ужасный холод; поторопились поставить две печки, отопляемые коксом, и помаленьку набрали тепла, скоро, впрочем, исчезающего. А без печек совсем заоченели, зуб на зуб не попадал. Вечером отец Сергей был у посланника, и тот пригласил его и меня на воскресенье к завтраку. В 7 час. вечера мы оба были у митрополита Прокопия, кончившего курс в нашей Московской Духовной академии. Нас тотчас же угостили, по восточному обычаю, глико (варенье, вода, вино и опять вода). Владыка одет в черную греческую рясу, на голове греческая камилавка с расширяющеюся верхушкой, под камилавку забраны волосы. Он очень бодрый, большого роста, на вид приятный, не заметно в нем греческого коварства и лукавства; очень любезно он с нами побеседовал, между прочим, о своем плане завести здесь семинарию наподобие наших. А под конец спросил отца Сергия: а как теперь думают в России о Греции, как относительно субсидий? Отец Сергей сказал, что теперь, кажется, поворот в пользу греков, газеты и журналы толкуют в этом духе, собирают разные пожертвования в пользу пострадавших и т. п. Немало удивило меня, когда владыка во время разговора преспокойно закурил, у нас в России это немислимо, а на Востоке табак — общая забава и привычка. Около 8 часов мы вышли от митрополита и услышали звон, похожий на наш русский набат; отец С. объяснил, что завтра там, где звонят, праздник св. Космы и Дамиана, и поэтому всю ночь будут звонить, и всякий проходящий может звонить сколько ему захочется. Погода, кажется, переменяется на тепло: все стихло и становится тепленько, хотя днем и поросил легкий снежок. Мы прогулялись по нескольким кварталам и возвратились домой. По улицам всюду толчется народ. Всюду горит электричество. Здания все красивые, из горного камня.

Ноября 2-го мы с отцом С. служили литургию в посольской церкви. Поют стройно и красиво, но очень сокращают службу (бдение один час с четвертью). Утешительно то, что все члены посольства обязательно бывают в церкви. Церковь очень хорошая — в миниатюре Святая София. Только напрасно устроены три маленьких престола вместо одного просторного. Живопись старинная, очень хорошая, хотя не лишена некоторых ошибок: например, св. Мученик Павел изображен в виде настоящего грека. Богомольцев набралось довольно порядочно. Был и посланник, человек пожилой и очень благочестивый; после литургии мы были у него на завтраке, очень любезен и предупредителен.

С 3-го ноября погода установилась замечательно прекрасная: солнце не жжет, а как бы убаюкивает своими мягкими теплыми лучами, окружающие горы и весь воздух преисполнены самыми мягкими отливами цветов, получается впечатление как бы от мягкого зеленого бархата.

Легко и приятно дышится здесь.

Ноября 4—5 числа мы ходили по разным достопримечательностям Афин. Забрались на Акрополь, представляющий из себя высокую гору, заваленную разного рода развалинами и остатками памятников старины. Видели остатки самых древнейших построек еще простого вида, потом остатки пелагических построек, воздвигнутых из громадных горных, почти необделанных каменных глыб и брусьев. Но вот и прекрасные остатки уже классических построек. Отделка замечательно роскошная, чистая и правильно размеренная. Например, если между двумя параллельными провести к ним множество перпендикуляров, то середина всего этого ряда будет казаться непременно как бы выпуклою; вот во избежание этой ошибки глаза древние строители греки при устройении колоннад укорачивали средние колонны, почему некоторой кажущейся неправильности у них никогда и не заметно. На самой вершине Акрополя — остатки прекрасного и большого древнего храма, который был и языческим, и христианским, и мечетью, и костелом, потому что разные народы и верования побывали здесь. А теперь он стоит как памятник древнего величия, полуразрушенный и полуразрушившийся, отчасти окруженный некоторым вниманием археологов. Все постройки из прекрасного здешнего мрамора. Удивительно, как тогда могли на прекрасные высокие составные мраморные колонны поднимать таковые же толстые, длинные, чисто обтесанные балки, которые и теперь видны в целом их виде. По соседству — маленький музей, в котором собраны разные остатки колонок, фигур, статуй и резьбы. Вот, например, группа, изображающая вестников о Марафонской победе: поразительно тонкая работа, представляется, как бы самая тонкая одежда надета и развеивается в разных складках на бегущих, до того тонкая, что как бы виднеется самое тело, поразительно искусно. Фигуры большею частию раскрашены, и почему-то глаза делали в косом виде, так, например, как у японцев. С Акрополя открывается прекрасный вид на город и окрестности. Вдали виднеется мягкая зеленая шапочка, это — масличная роща, в разных местах высятся и опускаются горы и холмы с мягкими на солнце перегибами красок и цветов. Так бы и смотрел все вдаль и вдаль. На горе св. Георгия виднеется монастырь его. Уютное для спасающихся местечко, не скоро к ним попасть можно. А от Ареопага, в котором св. апостол Павел проповедовал и привел к вере св. Дионисия Ареопагита, Дамарь и некоторых других, от него почти и следов не осталось никаких, кроме выдающихся из земли камней на его месте. Он ниже описанного Акрополя. Заходили в панораму, изображающую осаду Парижа немцами в 70 году; это большое здание, где в картине изображена вся эта история. Впечатление получается очень сильное: все представляется живым, пред глазами происходящим.

Заходили и на стадию восстановленных недавно олимпийских игр, при открытии которых были даже члены Синода. И как радовались тогда греки, что восстанавливается будто бы блестящая пора их истории! И вообще они большое усердие прилагают к восстановлению всего языческого, а о христианских памятниках и не думают, даже место первой проповеди о Христе — Ареопаг, в котором проповедовал апостол Павел, в совершенной неизвестности и презрении завален всяким мусором. Но вот и плод сего восстановления язычества: поражение от турок. Вот и наука на предки². И теперь греки помаленьку действительно начинают приходить в себя: кроме военных упражнений и пальбы из пушек, которые будто бы во время войны оказались наполненными землей вместо пороха, теперь тщательно обсуждают и дело государственного управления, проверяя и просматривая дела и деятелей и изыскивая исхода в беде. Мало того, новый военный министр Смоленский решил завести полковых священников и проповедников, чтобы насадить чисто церковную и чистую жизнь в войсках. Давно бы нужно додуматься до этого. Дошло дело до того, что даже маленькие ребята хулили все святое. А про общее-то настроение народное нечего и говорить: оно сплошь светское и западническое, только еще в худшем смысле, чем на Западе, ибо там это свое, а здесь перенятое из подражания. Поэтому

здесь все европейское только наружу: парламент, в котором только лично считаются и играют в постоянные мелкие, а не государственные партии; презрительное отношение к православным храмам, в которых устраивают народные собрания по гражданским делам и выборы; есть академия наук без академиков; чистота и порядок культуры в разных изобретениях и усовершенствованиях при сплошной грязи улиц. Как и все восточные народы, греки ужасно любят форсить, скрывая под форсом неопрятность, которую-де никто не видит. Все страшно интересуются политикой, и везде встречаются особые кофейни, постоянно переполненные читателями газет, горячо спорящими по поводу газетных известий. И утром, и вечером, и днем городские сады и бульвары всегда переполнены гуляющими, которые в конце концов даже засыпают на лавочках тут. Впечатление такое, что как будто весь город наполнен дачниками, собравшимися с разных сторон отдохнуть в приятном афинском климате после трудов праведных и вот на отдыхе наслаждающимися и развлекающимися прогулкой и пустой беседой о политике. Еще деэписатель³ сказал, что афиняне только тем и заняты, как бы узнать что-нибудь новое.

Были на кладбище. Прекрасные мраморные памятники, но большею частью в языческом вкусе; на некоторых нет даже и маленького знака креста, вместо него на некоторых изображены разные масонские знаки; на одном изображена фигура прекрасной женщины (портрет умершей), но совсем не в целомудренном виде, притом спиной сидящей к церкви, а лицом с улыбкой, приветствующей входящих на кладбище; на некоторых изображен ангел, по-видимому удручаемый печалию, хотя следовало бы изобразить его в молитвенном положении. В церкви пели вечерню. По здешнему обычаю, царские врата были открыты; поют два псалта по очереди и очень осмысленно, не торопясь; устав тщательно исполняют, верно соединяя октоих с минеей. Вся служба идет не торопясь. Священник внятно говорит ектении, а псалт говорком ему отвечает тенором, а в это время стоящий позади батюшка басом ему подтягивает, не произнося ни одного слова. Священник, говоря «мир всем», не оборачивался к народу, а в полуоборот благословил, на отпуске он истово все время крестился. Хотя и будничное богослужение, а оно мне очень понравилось своею истовостью; особенно истово все исполнял один пожилой псалт, одетый в светское: он пел и читал выразительно, как будто сам глубоко чувствуя все читаемое. Исполняли все стихиры и богородичны без пропусков. Видели могилу недавно (в 1896 году) умершего афинского митрополита Германа, замечательного самоотверженного и неутомимого труженика в деле упорядочения здешней церковной жизни. Земляки его построили прекрасный склеп, в который через три года переложат его останки. Этот святитель умер ударом от переутомления. А трудился он весьма много над преобразованием здешних порядков: духовенство совершенно необразованно и менее церковно, чем его паства, проповеди никакой нет, даже архиереи почти совсем необразованные, за некоторыми исключениями. Чего же ожидать от них для Церкви Божией, если при непросвещенности-то и отсутствие духа церковности? Покойный Герман устал, трудясь на этом поприще совсем один. У его преемника митрополита Прокопия есть намерение завести семинарию наподобие наших русских, но кто же здесь-то будет заведовать этим делом, которое должно быть закваскою всего дальнейшего? Во главе теперешней семинарии здесь стоит живущий на покое митрополит Пентаполийский⁴; на одном публичном чтении он говорил, между прочим, следующее: «Благий Промысел Божий так устроил, что в конце ветхозаветной истории эллинизм исполнил всю вселенную своим могуществом и влиянием, потом явилось христианство, эллинизм и принял его в свой дух, объединил и распространил, как сам охвативший ранее весь мир; поэтому если бы не было эллинизма, то, кто знает, может быть, и до сих пор христианство не имело бы такого широкого распространения, оставаясь простой иудейской сектой?» На это один студент университета (медик) ему заметил публично: «Мне

думается, что дело было наоборот: эллинизм, охвативший все, отживал свое время, как утративший дух, и вот христианство вложило свою настоящую новую силу в эту некогда всех объединившую форму культуры и явилось новой невиданной дотоле силой жизни, исполняя собой все и всех».

Хорошо то, что здесь семинаристы ходят в духовном платье, даже в рясе и камилавке, но без надлежащего руководства и наставления и это не помогает: они спокойно и даже вольно всюду разгуливают, не кланяясь ни одному духовному лицу, кажется представляя себя ужасными джентльменами. В порядках много заметно хорошего, видно, что старый широкий и глубокий церковный дух греческий есть и теперь; но при современном европейничании греков все это хорошее ужасно загрязнено. А ведь Греция была просветительницей всего Востока и нас русских. А теперь что сделали с нею ее прогрессисты? Грустно смотреть. Молодых богословов, монахов и светских, посылают в немецкие и иные европейские университеты, а в Россию и не думают, свысока на нее посматривая, как на отставшую от света народность, привязавшуюся к своему православию, тогда как нужно-де стоять выше всяких предрассудков и идти по пути прогресса. При этом нужно заметить, что греки-духовенство постоянно жалуются, что им жить нечем, что поэтому у них такое невежество и непорядки в Церкви. А умер один такой жалобщик на свою бедность, так и оказалось, что своему брату священнику оставил громадный капитал.

Ноября 7-го встретили преемника здесь отцу архимандриту Сергию. Он прежде был с отцом Сергием в Японии, но возвратился оттуда, вероятно соскучившись по родине. Вот это сильное искушение для нас миссионеров, бороться с ним иногда бывает и не совсем под силу. А впрочем, везде земля Господня: если и возвратиться придется на родину, нужно, забывши заднее, спокойно и твердо простираться в переднее⁵, не полагаясь на себя и ища помощи свыше.

Ноября 8-го служили оба архимандрита и я; за литургией был в алтаре архиепископ Халкидский Евгений. Когда кадят ему или кланяются, то он только приподнимает к груди благословляющую руку и двигает пальцами, вместо всей руки. Вечером мимо квартиры проходила погребальная процессия, — должно быть, погребали богача или важного человека, потому что шли три архиерея (один в мантии, епитрахили и омофоре, а два без мантии), один архимандрит в клобуке (здесь, вместо митры, архимандрит от прочего духовенства только клобуком и отличается, а остальные все ходят в камилавках) и много священников, стройно в два ряда, все в самых белых легких облачениях.

Путь от Афин до Рима, через Бар-град

Ноября 9-го был в афинском соборе — за литургией, но, к сожалению, подошел только во время трисвятого. У греков утреня вместе с литургией; после славословия тотчас же и благословение на литургию. Певчие поют на хорах; напевы все партесные, какие мы слышим постоянно в России; но они их выводят бесконечно замысловатыми руладами. Служили два священника, причем стояли оба пред престолом, а не сбоку один, как у нас; да и престол имеет продолговатую форму, так что служащим так и удобнее стоять. После чтения апостола один из батюшек, кажется стоявший налево, благословил диакона на чтение Евангелия, сам вышел на амвон и стал к народу лицом; а диакон пошел на кафедру, устроенную для этого посреди церкви, у левого столба, высоко-высоко; внизу против кафедры встали два мальчика со свечами, одетые в белые стихари. И во все время чтения Евангелия (левый) батюшка без камилавки стоял на амвоне лицом к народу, а правый батюшка в камилавке оставался пред престолом. (Службники у греков лежат на престоле.) Диакон тщательно и красиво, даже и для меня русского, выводил на греческий лад Евангелие о гадаринском бесноватом, с разными красивыми переливами в голосе на одном каком-либо слове или слоге. Народ заметно подошел к кафедре и с особым интересом и удовольствием слушал свое церковное греческое чтение. И как только диакон свое чтение закончил, народу добрая половина вышла из церкви, как бы прослушавши все для них интересное. Это живо напомнило нашу Москву, где тоже многие приходят в церковь послушать или паремии, или апостол и Евангелие, громогласно читаемые диаконом или псаломщиком; и там тоже после чтения многие из церкви уходят. Различие только то, что здесь диакон, да и все почти, служат тенором, и тенор самый, так сказать, церковный и народный голос, а у нас в России любят громкий бас.

Передавши священнику Евангелие и о чем-то с ним поговоривши, диакон, став под самым амвоном, вместо обычных нескольких ектений сказал только несколько (до трех) прошений, а хор пропел «Господи, помилуй» по однажды три раза и, по возгласе священника, запел: «Иже херувимы». Во время херувимской кадил правый священник; на народе он несколько раз показывал очень долго, а потом, не обращаясь лицом к алтарю, как у нас, сбоку покадил на иконы Спасителя и Божьей Матери и пошел в алтарь. По окончании каждения правый священник, приложившись к антиминсу и престолу, вышел на амвон и трижды благословил народ крестообразно по-архиерейски обеими руками, левый только однажды и одной рукой, а диакон только поклонился. Во время входа диакон возгласил, кажется, «всех вас православных христиан да помянет Господь...»; старший священник поминал, кажется, как поминает архиерей, а впрочем, не уверен, только что-то очень долго; а младшему священнику, стоявшему с копьем в руках, так ничего и не пришлось говорить. Обычное после входа благословение диакону, кажется, хотел возложить младший священник, но потом подоспел старший, что-то поговорил с младшим, помотали друг на друга головами, грозно посмотрели и закончили свои переговоры, но благословил диакона уже старший. Диакон вышел из алтаря и стал на второй ступеньке амвона, а царские врата, после его выхода из них, затворил, к великому моему удивлению и смущению, какой-то франт в пиджаке и сорочке, и при этом не сбоку как-нибудь затворял, а прямо-таки стал посредине врат и захлопнул. А до этого времени с начала службы царские врата были отворены.

Символ веры и молитву Господню **прочитал** псалт. Возгласы почему-то больше говорил второй священник. Он же, через отворенные тем пиджачником царские врата вышедши на амвон, говорил и возглас: «благодать Господа нашего Иисуса Христа», в начале его

крестообразно благословил дары воздухом и им же потом весь народ; потом вволюоборот на правую сторону возгласил: «горе имеим сердца» — и затем, совсем обратившись на правую сторону: «благодарим Господа» — и ушел в алтарь вместе с диаконом, доселе стоявшим под амвоном направо с приподнятым орарем. Хор пропел только «Достойно и праведно есть» без дальнейших слов. Читая молитву: «Еще приносим Ти словесную службу, и просим и молим...», священник сделал поклон пред престолом, что и правильно, так как этою молитвою и испрашиваем благодать Святого Духа на дары; а слов: «Господи, Иже Пресвятаго Твоего... Сердце чисто созижди... Не от-вержи мене от лица Твоего...» — этих слов греки не произносят. По освящении даров священник долго кадил на них. Возгласы: «Во первых помяни, Господи» и далее до ектении говорил уже первый священник, а второй в это время всем, стоявшим в алтаре, и духовным и светским, раздавал антидор, предварительно крестообразно обративши его над освященными дарами. Всякий раз на возглас: «мир всем» — царские врата отворялись наполовину. Завесы совсем не употребляют. Дьякон и входил, и выходил царскими вратами, сам отворяя их и из церкви, если они затворены. После причащения в алтаре первый священник уже разоблачился, как будто ему и делать теперь уже нечего, и спокойно в одном белом подризнике разгуливал по алтарю. Народ, прослушавши какой-то концерт запричастный, отчасти повалил вон из церкви, а отчасти пошел толпой к алтарю; я с радостью предположил, что все, вероятно, проповедь подходит слушать, но нет: некоторые целовали иконы, а некоторые подошли, чтобы получить антидор. В общем, тут поднялся такой шум, что дьякон ектению: «Прости приемше», а священник молитву: «Благослов-ляяй благословящая Тя, Господи» проговорил наскоро и больше для себя. По окончании заамвонной молитвы, которую священник произнес, стоя на амвоне пред иконой Спасителя, он, не оборачиваясь, тихонько благословил народ и ушел в алтарь. Хор, пропевши «Буди имя Господне», уже ничего потом не пел. А священник, кажется, в одном подризнике (хорошо не припомню) раздавал всем подошедшим антидор. Так конца литургии я и не слышал, ибо шум еще более увеличился и священник уже ничего не говорил, кроме каких-то слов при раздаче антидора, может быть, как у нас: «щедр и милостив Господь», а может быть, это и был отпуст и все прочее.

Но каково же было мое смущение, когда я увидел, что все мужчины, получивши антидор, тут же надевают шляпы и идут вон или еще продолжают в таком виде разгуливать и разговаривать между собою! Теперь-де уже окончилось Божье дело и церковь как будто перестала быть храмом Божиим, следовательно, и шапку на голову, ибо без шапки не просвещенно, не благородно. Да и вообще надо заметить, что хотя народу в храме все время было очень много, но все они стоят да посматривают вверх или по сторонам храма, как будто по новости в чужом месте осматривают все. Самое богослужение греческое мне очень понравилось: много в нем хороших простых обычаев, весьма осмысленных. Только что описанное, например, богослужение по своим действиям есть самая простая беседа с Богом и от Бога обращение к богомольцам с пожеланием им благодати Святого Духа; особенной вычурности и деланности в обрядах, которыми отличается, например, богослужение католическое, здесь нет; здесь, напротив, действия представляются самыми простыми и естественными. В этом отношении наше русское богослужение немного удалилось от своей простоты; например, непроницаемые царские врата представляют как бы нарочную преграду между алтарем и народом, почему и все возгласы исключительно к народу, как бы слово от Бога, произносятся чрез эту преграду. Конечно, бывает, что самая простота в обрядах и действиях становится искусственною, как, например, в богослужении протестантском, где все представляется чем-то придуманным, почему получается впечатление как бы от детской игры, когда дети представляют себя большими: серьезности, глубины и возвышенности обряда незаметно. Этого нет в чинопоследованиях греческих: тут, напротив, все, при своей простоте,

возвышенно и глубокосерьезно, незаметно никакой деланности; напротив, весь смысл богослужения как бы естественно вылился в этом обряде. Жаль только, что и это греки сумели как-то загрязнить: священнодействующие за богослужением ведут себя уж очень просто, по-домашнему, постоянно зачем-то оборачиваются к народу, переговариваются и т. п.; даже сами греки говорят, что у них не проходит ни одного богослужения, чтобы служащие между собою не побранились. В этом отношении здешнее богослужение и церковная жизнь мне много напоминает нашу Грузию: то же небрежное, совершенно запросто, обращение со всем священным, спутанность и бестолковость в делах, необразованность духовенства и положительное религиозное невежество паствы и неуважение ее к духовенству, потерявшему в ее глазах почтение, грязь в местах священных, погоня за наживой и т. п. Да, силен дух антихриста в современной жизни; это он все нам преподносит пилюли под разными видами; стараемся ли мы дать им противоядие?

Собор очень красивый и обширный, в виде базилики. Живописные иконы очень хорошие; в алтаре на стенах написаны разные изображения святых, а в главной апсиде в куполе изображение Божией Матери — Нерушимой Стены; в храмовом куполе — образ благословляющего Спасителя, все — прекрасно. В западной части храма налево — гробница Цареградского патриарха Григория V, повешенного турками на воротах патриархии в Константинополе. Вечный ему покой от Бога за его верное мученичество. В соборе я видел какого-то в пиджаке и прочем светском, но с длинными волосами, как у нашего духовенства; он важно расхаживал по храму; по словам отца Сергия, это — псаломщик; здесь некоторые из псаломщиков, соединяя старые обычаи с новыми нарядами, вот так и ходят. Странно. Весьма жалею, что не попал к утрени и не познакомился со всем строем греческого богослужения.

Ноября 11-го. После долгих колебаний — по какому пути теперь отправиться до Японии и на каких пароходах, мы решили ехать через Америку: отец архимандрит С. путь через Индию уже видел, так что для него он уже не представляет интереса; по его «Письмам с Дальнего Востока» и я немного знаком с теми местами; мы и решили воспользоваться случаем, какого в другой раз, может быть, и не будет, — осмотреть Рим и познакомиться с католичеством, хоть отчасти; посмотреть и на Новый Свет — чем он живет, тем более, что Япония переполнена американскими миссионерами. Руководителем на дорогу взяли мы себе компанию Кука с сыном, взявшего за всю дорогу в 1-ом классе, с продовольствием, по 775 рублей золотом; нас будут везде встречать и провожать агенты Кука.

Ноября 11-го, во вторник, мы с отцом архимандритом С. отслужили литургию, после которой отец архимандрит А. для нас совершил напутственный молебен, а потом отец диакон попросил сняться на его ручной фотографии — на память. В 12 час. дня провожаемые большой компанией уважающих отца Сергия и отчасти моих новых знакомых сели на поезд и в 7-ом часу вечера были в **Патрасе**, где нужно было сесть на пароход до Бриндиза в Италии. Удивительно богата афинская равнина и вообще вся эта местность: сплошь тянутся масличные рощи, виноградники и разные фруктовые сады; весьма тучная равнина. Прекрасные виды кругом на горы и долины; местами море, на берегу которого все время тянется железная дорога, так прекрасно высматривает, что как будто просится на фотографию. Греческая железная дорога, сравнительно с нашими, весьма неудобна: вагоны узкие, в каждом купе по четыре человека, причем можно только сидеть, а о сне нечего и думать; уборных тоже не полагается; на станциях поезд долго не стоит. Еще за одну станцию до Патраса наш поезд заполонила целая масса носильщиков и агентов разных компаний туристических и гостиниц, и все они предлагали свои услуги. Нашли мы Кука, но вместе с ним нас встретил еще наш консул грек, и повели они в гостиницу, где в прекрасном номере мы оправились и подчистились, а потом нас пригласили откусать. В 1-м часу нас посадили на пароход «Сциллу» главной итальянской пароходной

компании, и почти сразу же снялись с якоря. Пароход старого типа, очень узкий и небольшой, если будет качка, то покачаемся сильно. Прогулявшись немного по палубе, мы легли спать.

Ноября 12-го в 8 час. утра мы были в **Корфу**, тогда как по расписанию предположено было доехать сюда только в половине 12-го часа. После завтрака в 10 час. мы гуляли по городу. Удивительно прекрасное местечко. Это сплошь сад из маслин, апельсинов, бананов и других растений; растут громадные кактусы, цветут разные прекрасные цветы; воздух пропитан какими-то пахучими пряностями. Говорят, здесь климат почти круглый год ровный: жара и холод своевременно умеряются и теплым поясом, и близостью моря, и богатством растительности. Благоприятное местечко. На конце города на маленьком морском острове, близ берега, небольшой женский монастырь; а на другом островке — храм. Против него на другом берегу — дворец австрийской императрицы на прекрасном месте, как бы совершенно утопающий среди богатой растительности. По городу весьма много церквей, хотя и маленьких. Заезжали в храм, где покоятся мощи святого Спиридона Тримифунтского, но рака открывается только 4—5 раз в год: в дни памяти Святого и в дни памяти об избавлении от разных общественных бедствий. Храм устроен несколько в католическом духе: алтарь отделяется от храма несколькими колоннами; царские врата — одна дверь, которая во время богослужения, вероятно, отворяется, по греческому обычаю; живопись отчасти в итальянском духе. Оказывается, этот храм — частная собственность фамилии Булгарис. Постоянно приходят богомольцы. Поднимались на старую крепость, устроенную в былые времена венецианцами; наверху ее теперь маяк, а в самой крепости казармы; с маяка прекрасный вид на весь город и окрестности. Город не маленький, но построен весьма тесно, так как строился между стенами, следы которых еще и теперь весьма сохранились; поэтому дома очень высокие, отчего по улицам (узким) какой-то мрак. Наверху одной высокой горы в подзорную трубу мы рассмотрели монастырь, простым глазом совсем невидимый. Вот куда забрались святые подвижники. Заходили в Королевский дворец, расположенный среди прекрасного сада; герани, за которыми у нас в России так ухаживают в домах и теплицах, здесь свободно растут как обычное садовое растение. В одной из комнат дворца — замечательная картина мученической кончины патриарха Григория V. Дворец небольшой, в виде круга. В нем, кажется, давно никто не жила. В 5-ом часу снялись с якоря. На обед вышел еще молодой итальянец, а на завтраке были только мы двое да капитан. Отец архимандрит С. со своим маленьким запасом итальянских слов вступал было в разговор с капитаном, но тот коротко отвечал и потом молчал все время. Очевидно, только и провозя случайных пассажиров, подобных нам немого по-итальянски, он и сам привык молчать. Всю ночь был сильный ветер. В 1-ом часу ночи пришли в Бриндиз в Италии; спали на пароходе до 5 часов, а потом прошли в таможню, где нас скоро отпустили, слегка посмотревши по нашему указанию; только спрашивали — не везем ли табаку, чаю. Очевидно, о багаже судят по человеку.

Ноября 13-го. На вокзале к нам привязался кто-то в форме, говоря, что вещи он занесет в регистр, как багаж, если не дадим ему 2 франка. Чтобы наделить нищего, мы дали. Удивительное попрошайство! И он при всех не стыдится так поступать; очевидно, это здесь совсем дело обычное и никто этим не соблазняется. После нам рассказывали, что действительно здесь везде ужасное обирательство, и только поддаться этому, то кругом оберут. Говорят, иногда заходит в квартиру человек и настоятельно требует такой-то суммы денег под угрозой убить и т. п.

В девятом часу утра приехали в **Бари** и там остановились, чтобы поклониться мощам святителя Николая Чудотворца, почивающим здесь в одном католическом храме. Улицы в городе узкие и грязные, хотя город и довольно большой; везде толпы любопытствующих праздношатаев с длинными трубками в зубах, причем все почти курят нечто вроде турецкой

махорки. Итальянцы большею частью бреются, должно быть желая казаться молодыми; но все зачем-то носят длинные усы. И все такие сердитые, как будто и говорить не хотят, если не дать хоть сантима (меньше копейки).

Собор святого Николая представляет из себя большую базилику с колоннами из прекрасного мрамора; верхний храм очень высокий, с многочисленными боковыми престолами, как приделами к главному. На потолке и на стенах главной апсиды — живопись рококо, не совсем хорошая. Главный алтарь отделен от храма четырьмя колоннами, напоминающими наш иконостас, как преграду. Над колоннами большой резной крест. Рядом с главным алтарем в левом приделе совершали заупокойную мессу; патер и прислуживавшие диаконы и, должно быть, иподиаконы или псаломщики были в черных облачениях. Под аккомпанемент органа кто-то на мотив, напоминающий оперетки, выводил какую-то молитву или песнь. По временам что-то читали диаконы и чтец. Диаконы у престола же ведут себя весьма легкомысленно и небрежно, даже пересмеиваются с богомольцами и клириками. У католиков настоящих диаконов нет, а те же патеры в богослужении прислуживают служащему, надевая только иное облачение. Боковые престолы расположены по стенам, правой и левой, а главный, значительно отступя от передней стены, на возвышенном месте посредине храма, под самым главным куполом. Спустились в крипту, где и почивают мощи святого Николая; там множество народа, так как два патера одновременно на двух престолах совершали тайные мессы. В храме совершается только одна месса с пением и игрою ежедневно, а остальные тайны. Оказывается, у католиков всякий патер ежедневно должен причащаться: хороший обычай, только бы содержать его на высоте. На престоле, под которым почивают мощи, совершал мессу старенький седой патер; он причастил облатками двух женщин, на коленях стоявших перед решеткой. Все проходившие против престола немного приседали, изображая тем свой поклон благоговения к святыне. Когда в боковом приделе патер уже кончал свою мессу, там собралось множество других патеров, и принялись они что-то петь и читать сообща и поодиночке; потом встал один помоложе и прочитал как будто житие или историю какую. (Патеры носят сверх подрясника белые накидки с кружевными обшивками.) Когда и на престоле святого Николая патер окончил свою мессу, нас пригласили за решетку только двоих, да еще проникла какая-то дама. Пришел довольно нечисто обритый патер старичок, надел нечто вроде епитрахили. Опустился перед ракой на колени и что-то читал по письменной книжке, а псаломщик что-то кратко отвечивал. Уж не присоединение ли к папе читает старичок? — подумал я: ведь здесь же принимала унию и Черногорская Княгиня. Кто их, католиков, разберет, ведь им достаточно для огласки и того, чтобы прочитать молитву и сказать, что присоединили к папе; присоединенным не будешь, а они накричать могут по этому поводу. Ведь у них, например, крещение, по словам самих патеров, нередко так совершается: попалась навстречу патеру женщина язычница с мальчиком; он остановился, поговорил немного, погладил мальчика по голове, а сам в это время попрыскал из имеющегося постоянно в кармане флакона святой водою — и крещение совершено, для папы приобретена новая овца; как она ведет себя, это не важно, а она есть. Я невольно старался сделать вид не принимающего никакого участия в этой молитве патера. Потом патер ключом отворил дверцу под престолом, опустил в отверстие (с медный пятак) свечку на цепочке и там внизу засветил другую свечку. Мы преклонились под престол и могли только отчасти рассмотреть останки святителя. Патер опустил в серебряную чашку свечку, которою засветил прежде свечку над мощами, и подал в этой чашке нам отпить жидкости, говоря, что это миро, истекающее от мощей. Преклонялись под престол потом и другие, но их патер толкал бесцеремонно ногой, чтобы скорее вылезали. Потом повели нас в ризницу, где сидело множество патеров, весело разговаривавших и пересмеивавшихся (это рядом с престолами); там дали книгу — записать свои имена; а сопровождавший нас итальянец,

знающий несколько русских ломаных слов, сказал нам: давай ему рупь, поп. Очевидно, здесь все избалованы подачками от туристов, особенно от русских. Не то в Афинах: там всюду свободно пускают, как бы даже гордясь своею стариною, которую всем хочется видеть; денег из самолюбия никто не берет. Из собора святого Николая прошли мы пообедать в гостиницу, а оттуда пешком до вокзала; около нас нередко собирались толпы ребят, да и взрослые посматривали, — очевидно, наши рясы приводили их в недоумение.

На пути от станции Фоджия с нашим паровиком стряслась какая-то беда и он, жалобно посвиставши, остановился, а кондуктор с дудочкой (!), посвистывая, пошел обратно на станцию за 6—7 верст за паровозом, который и дотащил нас до следующей станции, а оттуда другой паровик повел далее, и все пошло благополучно.

Достопримечательности Рима

Ноября 14-го в 7 часов утра мы были в Риме в квартире настоятеля здешней нашей посольской церкви отца архимандрита К., недавно приехавшего сюда. Здесь со вчерашнего вечера льет дождь и сделалось довольно холодно; а мы все время ехали при прекрасной погоде. Литургию стояли в посольской церкви, помещающейся в самом посольстве. Церковь маленькая, темная и небогатая; диакон ходит в светском платье, хотя, кажется, особенной необходимости этого здесь и не видно; певчие итальянцы — католики, поют плохо. У отца архимандрита К. есть мысль со временем выстроить здесь настоящий собор, чтобы в центре католичества хоть по внешности сделать известным православие; он, конечно, постарается завести и прекрасных певчих и все богослужение заведет как следует.

Около часу дня мы отправились в **собор святого апостола Павла**, за город; проводником у нас был услужливый псаломщик посольской церкви, все здесь прекрасно в городе знающий и свободно говорящий по-итальянски. Со внешней стороны собор поражает своим величием и чистотой и имеет весьма высокую колокольню, наподобие наших русских. Внутри — это прекрасная длинная базилика, колоннами разделенная вдоль на пять кораблей. На горнем месте — престол папы, а потом, много отступя, посредине главного нефа, престол над гробом святого апостола Павла, причем папа во время служения обращается лицом к народу. Внизу еще престол. Окружающая престолы решетка уставлена множеством горящих лампад. Колонны и два боковых престола из прекрасного малахита, пожертвованного нашим Императором Николаем I. За то и католики в куполе храма святого апостола Петра написали, что Император Николай I удостоил взойти в купол собора. Алтарь от храма отделяется помостом, решеткой и колоннами. Отделка всего собора и всех его украшений, конечно, прекрасная. В куполе, в главной апсиде, и отчасти в храме — прекрасная старинная византийская мозаика. По бокам вверху изображены все епископы римского престола: начиная с апостола Петра и кончая нынешним Львом XIII; осталось и еще мест десять для таких изображений будущих пап. Не помню хорошо, у Лина или Анаклета, вообще у какого-то из первых пап, глаза сделаны вставные из каких-то драгоценных камней, поэтому издали кажутся как бы живыми, сверкающими. На стеклах окон прежде были написаны изображения разных святых, но во время взрыва на соседнем пороховом складе стекла были почти все побиты. У подножия главного алтаря — две громадные прекрасные мраморные статуи апостолов Петра и Павла. Своды в соборе богато украшены золотом. Весь собор блестит богатством и дивен величием. Он больше нашего Исаакия, только, может быть, ниже его. На западе за собором внешний его громадный портик только еще делается. На правой стороне от собора — галерея, остаток от старой базилики; тут же большие монастырские корпуса.

Ездили на **место мученической кончины апостола**. Это от собора очень далеко. Там теперь монастырь траппистов — молчальников. В соборе, средней величины, бьют три ключа: они будто бы выступили с тех пор, как отрубленная глава святого апостола Павла трижды подпрыгивала по земле; ключи и открылись на местах, где голова касалась земли. Тут же — остаток колонны, к которой был привязан Иисус Христос после суда. А под храмом — тесная пещера, в которую был заключен апостол Павел пред казнь. Этот собор, довольно чистый и благоукрашенный, вероятно, назначен для богомольцев приходящих. А рядом другой — совсем простой по отделке собор для монахов; в нем нет никаких украшений, даже потолка нет, а прямо видна крыша, на стенах никаких изображений. Собор весьма большой. Жизнь монахи проводят самую простую; они сами исполняют здесь все работы монастыря по послушанию,

причем все молчат; говорить может только приставленный к приему богомольцев брат. Трапеза не обильна, хотя ежедневно дается по одной с четвертью — по одной с половиной бутылочке белого итальянского вина на брата. По устройству трапеза буквально как в наших монастырях: посредине — кафедра для чтения житий, за трапезой подают по звонку старшего и все прочее. Спальная комната общая, но каждому в ней по отдельной камере; в католических монастырях днем все живут и занимаются делами вместе в общих помещениях, и только на ночь всяк остается один сам с собой. Все ложатся в 7 часов, а в 2 часа встают на молитву и прочие послушания; есть и будильщик брат. Были и в комнате общих собраний братии на совет; там занимались двое какими-то бумажными делами, накинувши на голову свои шлыки, похожие на наши башлыки; при нашем приходе они даже не повернулись посмотреть — что за люди вошли. В монастыре кругом замечательная тишина, по словам отца архимандрита С. напоминающая буддийские монастыри в Японии. В монастырь приходили парами и толпами, должно быть, католические семинаристы или студентики и подолгу молились в храме, стоя на коленях, облокотясь на скамейки; а иные, может быть, приходили и на свидания с братьями или на совет. И по дороге нам много попадалось их. Это мне весьма напомнило доброе время жизни в академии, когда и мы с отцом И. А. и другими ходили в скиты на богомолье или на совет к старцам. Было ужасно холодно и сыро; мы зашли в монастырскую лавку и купили по алюминиевому жетону, на котором изображено усечение главы апостола Павла; а монах предложил свое обычное для посетителей угощение — по рюмке ликеру монастырского производства; ликер оказался весьма крепким, хотя рюмочки самые маленькие.

Оттуда направились в **храм Младенца Иисуса**, где находится богато украшенная статуя Младенца Иисуса, пред которой в известные дни совершают разные церемонии богослужебные. Храм прекрасный и поместительный, только темноватый. По соседству всходили на Тарпейскую скалу, с которой некогда сбрасывали осужденных на смерть. Заходили в храм Богородицы, известный под именем *Sopra Minerva*; храм по архитектуре уже переходный к готическому, и колонны не поодиночке, а группами, престолов тоже много, и все у стены. Заметим вообще, что главный престол ставится посредине теперь только в базиликах, которые все папские; на этом престоле только папа и совершает мессу или тот, кому он даст на то особую буллу.

Зашли в **храм Иезуитов**, как раз во время проповеди перед вечерним богослужением. Там один батюшка говорил проповедь, стоя на высокой кафедре посредине церкви с правой стороны. Голос старческий, слабый, но весьма внятный; говорит не торопясь, отдельно, ясно и с большим воодушевлением, только очень много жестикулирует, размахивая руками, топая ногами, взмахивая рясой, бегая по кафедре и т. п.; замечательно много актерства в приемах, желания казаться как можно более утонченным в манерах и свободным. Народу в храме кругом кафедры набралось весьма много, все, конечно, сидят на стульях и весьма внимательно слушают всякое слово, по-видимому, воодушевленного проповедника, да еще старика. Народ больше чистый, но много и простых; очевидно, жажда слушать слово Божие есть у всех здесь, и есть ей богатое удовлетворение. Католики не дремлют и стараются всячески воздействовать на народ, чтобы собирать и держать его у себя. И народ у них действительно в руках: он слушает своих наставников, как вестников воли Божией. Положим, они глубоко заблуждаются и всех держат в своей ереси, искажающей весь смысл христианской жизни, как жизни в Церкви, возглавляемой и облагодатствуемой Христом. Напротив, весь строй папства таков, что у них нет Церкви, а есть только папа да его сподручники, властно спасающие или отвергающие покорных или непокорных своих овец. Поэтому католики, образно выражаясь, привыкли бессознательно следовать за своим пастором, держась за его рясу, в уверенности, что он непременно приведет в рай, хотя бы и тяжкий грешник был кто, ибо у папы много преизбыточествующей благодати на всякие грехи и на всяких грешников, подчиняющихся ему. И эта система так здесь проникла в

самую природу католиков, что папа и его сподручники действительно держат все в своей власти и авторитет их в народе весьма высок. При нас, например, в соборе святого Николая в Бари католичка дама, только прикоснувшись своей рукой руки патера, поцеловала потом тот палец своей руки, которым

прикасалась, очевидно, в убеждении, что она уже получила таким образом благословение. Этот собор Иисуса, весьма обширный и украшенный, двумя рядами колонн разделен на три корабля: средний и два боковых. Теперь он почему-то декорирован красною материею — должно быть, будет или был какой-нибудь праздник; престол светло освещен множеством свечей в виде венца до потолка — должно быть, скоро начнется богослужение. Но мы за весь день так устали и проголодались, что, надеясь быть за богослужением в другой раз, на этот раз не остались в соборе. Проповеди, конечно, понять не могли, хотя отец архимандрит С. и понимает несколько итальянский язык. Это был первый случай, когда мы хоть немного увидели и церковную жизнь папства.

Ноября 15-го утром мы отправились в **собор святого апостола Петра**. Перед собором громадная чистая площадь, обнесенная железною решеткою; на площади бьют сильные фонтаны; по бокам идут различные постройки и дворцы, в общем известные под именем Ватикана. Среди соседних больших построек собор святого Петра с внешней стороны не производит впечатления чего-то особенно громадного и величественного, тем более, что его громадный на самом деле купол закрывается громадным и фигуристым главным портиком. Но внутри действительно такое богатство и величие, что зараз даже не охватишь: глаза как-то разбегаются, теряешься, на что смотреть и чему удивляться; да и сам среди этой громады как бы исчезаешь, потому что кажешься себе таким незаметным среди такого величественного храма. Действительно, собор представляет нечто необъятное для глаза. Как и во всех базиликах, главный престол в нем находится посредине храма; под ним устроена крипта, в которой показывают части мощей апостолов Петра и Павла и будто бы остатки гробниц их. Кругом горит множество лампад. В самом переди, на месте папского престола, алтарь, над которым возвышается великолепно украшенный балдахин, внутри которого будто бы седалище апостола Петра, заделанное в золото. А для папы устраивают между этими двумя престолами на ступеньках особое возвышенное седалище; на нем сидя, он недавно принимал пилигримов. Недалеко от главного престола, направо, бронзовая статуя сидящего апостола Петра с жезлом в руках и сиянием на голове; все проходящие мимо непременно целуют его правую ногу, отчего она заметно высветлилась. Собор внутри кругом украшен замечательной работы мраморными статуями разных пап.

На левой стороне от главного престола, на выступе в стене, временный папский гроб, в который кладут тело умершего папы, пока не сделают настоящего гроба: гроб мраморный и очень высоко от полу. Собор такой громадный, что Цареградская София меньше половины площади главного срединного нефа корабля. На полу собора отмечено пропорциональное отношение его величины к величине других замечательных в свете христианских храмов; все они высматривают перед ним малютками. Главный купол, мозаично украшенный, весь открыт и по своей величине представляется как будто широким сводом небесным, а разгуливающие там люди кажутся какими-то маленькими-маленькими карликами. Забирались и мы туда: так высоко, что оттуда даже страшно смотреть вниз. Забирались даже на внешний портик купола под самое его верхнее яблоко; оттуда видно даже море на большое пространство. Еще выше подниматься в самое яблоко не захотелось: высоко, ноги устали, да и народу нужно много переждать, пока все туда партиями войдут и выйдут. Крыша собора плоская и образует громадную площадь, оттуда открывается хороший вид на весь город и далеко на окрестности. Фигуры разных апостолов на главном фасаде портика, снизу представляющиеся маленькими, на

самом деле громадные. Престолов в соборе, конечно, весьма много, и на многих совершаются тайные мессы. У католиков на одном престоле можно совершать в один день несколько месс; бывает даже, что два патера на одном алтаре с разных его сторон совершают каждый свою мессу, обратясь друг к другу лицом. Народу в соборе очень много, но среди них много и не богомольцев, а простых зрителей. Приходят разные патеры и семинаристы, встают на колени перед престолами и подолгу молятся. Вообще семинаристы часто заходят в храм именно для молитвы. Форма платья по покрою у них у всех одинаковая, но различается по цвету разных частей: есть совершенно черные, совсем красные, синие, с синими полосками на черных капюшонах, с красными полосками на черных поясах и т. п.; платье похоже на наши подрясники, только с капюшоном; у всех черные пуховые шляпы. Поодиночке семинаристов не видно. Над главным входным портиком в соборе — окно, из которого папа прежде благословлял народ в Пасху, но после того, как Рим отняли у него, он рассердился и этой благодати не подает прежде святому городу.

Из собора прошли в папский музей, богатый разными коллекциями; здесь много подлинных классических произведений искусства — например, Лаокоон, Аполлон Бельведерский и др. Всех отделов мы не успели осмотреть, так как пробило 2 часа, когда всех посетителей попросили о выходе. Вероятно, еще успеем зайти в другой раз и осмотреть вместе с картинной папской галереей. Направо перед собором — **Ватикан**, дворец папы и двора его. Ватикан не производит впечатления чего-то особенно величественного, может быть, и потому, что он как-то сдавлен окружающими его строениями. А на самом деле в нем насчитывают подавляющее количество комнат, и конечно не маленьких. За дворцом — прекрасный сад, в котором летняя резиденция папы. Говорят, иногда можно видеть в саду папу гуляющим; он будто бы очень любит ловить сетками птиц. Приятное удовольствие и забава. Самый Ватикан производит впечатление какого-то мрачного замка; впрочем, и все здесь в Риме имеет мрачный вид, как будто все развалины восстановленные; да и действительных развалин можно много встретить на всяком шагу.

Отправились в **Пантеон** — громадный храм круглой формы, совершенно открытый и светлый; купол без всяких украшений; да и вообще в храме не заметно никакого величия в украшении, в нем так все просто. Говорят, папы, рассердившись на город по отнятии его из власти, все, что было дорогого и прекрасного в этом храме, сняли, а он будто бы был прежде весьма великолепен и благоукрашен. Теперь ведь здесь погребен император Виктор Эммануил, при котором и случилось освобождение Рима от власти папы: как же папам не сердиться за это и на самый храм, в котором покоится тело ненавистного им человека? И этот величественный и, по устройству, прекрасный храм производит впечатление именно чего-то или недоконченного или же после лишенного всяких украшений. Прежде это был языческий пантеон — храм всех богов, а со времени христианства он стал храмом во имя всех святых. Прекрасная замена одного бессмысленного посвящения храма чуждым божественной власти многочисленным богам посвящением целому сонму святых, окружающих славный престол Единого Царя неба и земли Господа Славы.

Недалеко отсюда прошли на древнеримский **форум**. Там видели откопанные развалины старины Рима классической поры его языческого существования. От базилики Юлия сохранилась только часть колонн. Много лучше сохранился храм Весты: тут ясно указывают и место жертвоприношений, и обитание весталок и т. п. Из многочисленных дворцов всего лучше сохранились дворцы Нерона. Они представляют из себя цельные остовы старинных дворцов этого императора. Здания тянутся на большое пространство и очень высоки; вероятно, прежде они представляли из себя действительно нечто очень величественное и внушительное: с обычным или чему-либо подобному равным не помирилась бы душа гордого Нерона. Походили

мы по форуму, погадали — как это все там происходило в старину, помечтали над судьбами истории. Да... на этом самом месте созидалась длинная, сложная и бурная история Рима; здесь люди действовали, думали, спорили, мечтали. И вот их руками Бог воздвиг славный Рим, обладателя вселенной, чтобы на нем же показать и всю суету человеческих земных начинаний. Рим, кроме стремления к славе и расширению своей власти до концов земли, кроме этого горделивого стремления, не имел ничего высшего. И вот он, до небес вознесшийся, но оказавшийся без прочного основания, пал и оставил после себя только груды развалин, как свидетельство непрочности всего земного. Но на месте Рима языческого возник новый Рим — христианский, разросшийся на крови тех самых отверженных гордым древним Римом христиан, которые не находили себе и места среди него, а должны были, как странники и скитальцы, укрываться под землей.

Неподалеку от форума видны остатки трех апсид базилики царя Константина, когда он был еще язычником; она — образец остальных здешних базилик. Сохранились три передние апсиды, полукруглые, с куполами; здание было, очевидно, величественное, судя по громадным остаткам его.

Ноября 16-го мы ходили в **церковь святой Марии Маджиоре**, то есть большей. Там застали мессу. Совершал ее патер в прекрасном красном, шитом золотом, облачении; ему прислуживал диакон, у которого через левое плечо под правую руку перекинута широкая бархатная полоса, тоже вышитая золотом, это — орарь; перед престолом под ступеньками стоял еще патер, у которого сверх священнического облачения была накинута как бы наша короткая фелонь, а на спине было большое вышитое золотом сияние. Этот патер иногда тоже подходил к престолу и принимал участие в разных действиях богослужения; а большею частью он стоял внизу, покрытый воздухом, который потом отложил. Во время причащения главный патер, священнодействовавший, положил свои руки на плечи этого патера, а сей как бы ему возложил таким же образом свои руки и потом пошел то же сделал с патером, стоявшим первым в стасидии, а тот своему соседу, и так пошло кругом: должно быть, лобзание мира, как наше: «Христос посреде нас». Пел хор, вероятно, ватиканских кастратов, так как иногда слышны были дисканты совсем не детского горла и

груды. Но пели хорошо. Органа не было. Говорят, Папа **Лев XIII** вообще старается вывести орган из церковного употребления и вместо того заводит пение, восстанавливая древние напевы. Это и хорошо. После мессы все с пением и светильниками пошли в ризницу вместе со священнодействовавшими; главный патер нес в руках сосуды для таинства. Народу во все время богослужения в соборе было весьма много, может быть, и потому особенно, что было воскресенье; нам пришлось стоять очень тесно, чтобы хоть сколько-нибудь быть поближе к священнодействовавшим и видеть все обряды. Вдали от родины, где теперь храмы переполнены всюду усердными русским богомольцами, нам приятно было видеть и здесь эту жажду человечества вообще к общению с Богом. Даже здесь в Италии, как ни стараются унижить католичество в противовес его прежнему величию, как ни стараются поэтому омирщить итальянцев, религиозный дух сам по себе остается всегда мощною силою, если его стараются хоть сколько-нибудь удовлетворить. Придут ли когда-нибудь во двор Истинного и Единого Пастыря Христова и эти овцы, заковавшие себя в узы папства?

Отсюда пошли в **церковь святого Пуденцианы**; она на том самом месте, где некогда стоял дом сенатора Пуда, у которого некоторое время проживал апостол Павел. На левой стороне здесь показывают престол с доской под ним, на которой апостол Павел совершал Евхаристию во время своего пребывания в доме Пуда. Недалеко от этого престола показывают колодезь, в котором сложены кости многочисленных здешних мучеников.

Недалеко отсюда — **церковь святой Пракседы**; при входе в нее налево в стене мраморная

доска, на которой молилась и спала ночью святая. Здесь сохранилась также верхняя часть колонны, к которой был привязан Христос во дворе Пилата. Нижняя ее часть в монастыре траппистов, в храме трех источников, на месте усечения главы апостола Павла.

Наконец-то мы добрались по порядку и до знаменитого **Латеранского собора** святого Иоанна Предтечи. Это самый древний и теперь первый папский собор; перед ним и собор апостола Петра считается вторым папским. Рядом с ним и древний папский дворец, теперь имеющий вид какого-то архива: мрачное здание. Собор — базилика в виде креста, с двумя рядами колонн, за которыми по бокам множество престолов. Главный престол посередине на возвышении; в нем, будто бы, стол, на котором апостол Петр совершал Евхаристию; а над престолом в навесе, говорят, скрыты главы апостолов Петра и Павла, но их только раз в году показывают богомольцам. На этом престоле, как и на всех главных в базиликах, священнодействует только папа. Впереди этого престола, в главной апсиде тоже престол и за ним папский трон, а кругом множество мест для духовенства. Купол этой апсиды покрыт прекрасною древнею византийскою мозаикою, даже с тогдашними христианскими символами; мозаика блещет золотом... Налево от главного престола — алтарь святого причащения; вверху его в устроенном над престолом балдахине, по словам католиков, заделан тот стол, на котором Иисус Христос совершил Тайную Вечерю в сионской горнице. На стене над престолом очень хорошее изображение Вознесения Господня. А по сторонам — многочисленные картины из истории времен папства: на одной картине, между прочим, изображены какие-то во фраках, подносящие папе хартию и смиренно преклоняющиеся перед ним; это, может быть, для наглядного представления светской власти и господства папы всем входящим в храм.

Собор своим богатством и величием на меня произвел более сильное впечатление, чем собор апостола Петра: в нем все построено и отделано рельефно, величественно, неподкупно-важно, прекрасно и вместе с тем как будто просто. Именно здесь незаметно особенной вычурности в украшениях и отделке, незаметно стремления бить на эффект, что так проглядывает во всех деталях собора апостола Петра. Здесь нет и той (по моему мнению, безобразной) роскоши, какая в последнем; там все фигуры носят какой-то чувственный отпечаток: заметно позднейшее, мелочное и больше чувственное искусство, а не то старинное солидное искусство и в живописи и в ваянии, каким отличается собор святого Иоанна Предтечи, как бы являющий всю строгость и возвышенность этого последнего. А впрочем, может быть, такое впечатление и от того, что собор Латеранский много меньше собора апостола Петра, так что в нем скорее и легче можно разобраться. Народу в соборе было очень много. Шла торжественная месса, которую совершал епископ с двумя патерами и диаконом. Жаль только, что мы пришли только к концу мессы, к причащению, а начала мессы не видали; а интересно бы посмотреть на епископское богослужение. Облачение епископа прекрасное, шитое золотом, но от священнического мало отличается; на нем длинная мантия, которую придерживает иподиакон, как и у наших епископов. Есть и митра из парчи в виде скуфьи, надетой поперек головы, раздвояющаяся кверху. При благословении народа епископ брал в левую руку жезл, закругленно загнутый вверху. Для епископа около престола сбоку стоял трон-кресло. Пел прекрасный хор кастратов; мотивы все итальянские с разными переливами и вибрацией; но иногда неприятно поражала слух визгливость мужских голосов. Орган не играл совсем. За богослужением присутствовали четыре епископа, все в пурпурного цвета шапочках.

После причащения служащий епископ сел на свой трон; с него сняли верхнюю ризу, надели длинную фиолетовую мантию, по краям широкой полосой шитую золотом, а поверх ее накинули белую фелоньку с золотым большим сиянием на спине. Епископ взял остензорий, в виде нашего напрестольного ковчега или дарохранительницы, с крестом; в нем вложены облатки Святых Даров. Держа остензорий приподнятым против своего лица, епископ,

поддерживаемый служащими священниками, понес его от престола; над ним несли на четырех шестах широкий балдахин, приподнятый очень высоко, предносили свечи, кадила, рипиды; впереди его шли патеры и епископы в два длинные ряда, держа в руках по три большие свечи пучком. Еще впереди шли прислужники, тоже в особых белых одеяниях, несли несколько крестов с распятием и рельефным, и живописным, и без оногo, а только с гвоздями и надписью, высокую хоругвь, подсвечники, какую-то булаву, два как будто зонта на длинных шестах и какую-то круглую фигуру, может быть изображение папского герба, к нему привязан маленький колокольчик, в который дорогой и ударяли изредка. В процессии участвовали многочисленные монахи-капуцины, францисканцы и другие, всякий в своей форме. Впереди шел большой хор кастратов с неумолкающим пением; особенно неприятно было смотреть на них вблизи — этих толстых певцов с неестественными дискантами. Вся эта пышная процессия тихо и стройно вышла в правый корабль храма и завернула, обошедши все колонны, в средний корабль; а в это время епископ с дарами только еще опускался с верхних ступенек от главного престола; можно вообразить, какая длинная процессия и сколько в ней участвовавших. Потом все они подошли к алтарю, где причащались и расположились в стройном порядке полукругом перед престолом. А народ по дороге подпевал и падал на колени перед предносимыми дарами. Епископ, поддерживаемый священниками, поднялся к престолу и поставил на нем в особенную подставку остензорий с дарами, после чего все опустились на колени и что-то долго перекликиваясь пели; кажется, диакон или священник, а может быть и епископ (хорошо не разобрал), поминал имена разных святых, а народ прибавлял: *ora pro nobis*; а потом: *quaeretur Domino*, то есть: святой, молись о нас, Господу молимся и т. д. Попевши так очень долго, все служащие пошли в ризницу разоблачаться. Вся эта процессия прошла с большой помпой и пышностью, бьющими в глаза; внимание сильно приковывается и как-то невольно все забывается, следишь за движением и за всем этим таинственным обрядом; невольно и незаметно и у меня как-то появилось некоторое серьезное внимание и даже благоговение к совершающемуся перед глазами. Но каково же было мое удивление, когда я заметил, что на лицах проходивших патеров процессии отражается как бы некоторая недоверчивая насмешка над всей этой причудливой процедурой! Впрочем, может быть, это для них уж очень привычное дело?.. Но верующий народ, в умилении падавший и молитвенно взывавший во время процессии, еще долго оставался в молитве перед престолом святого причащения, а некоторые прошли постоять еще тайную мессу в одном из боковых престолов. Епископ и патеры, разоблачившись, возвратились к престолу и долго молились перед ним; а потом остался только один. Теперь они попеременно все время будут стоять перед престолом на молитве в продолжение скольких-то суток.

Прошли мы во внешний дворик, где много разных старинных статуй. Есть здесь еще мраморная доска, поддерживаемая четырьмя мраморными колоннами; подходя под нее, будто бы можно судить о росте Иисуса Христа; отец архимандрит С. оказался ниже на ладонь предполагаемого роста Христа, я еще много ниже. Заходили в крещальню святого Иоанна Предтечи, устроенную еще царем Константином. Здесь вся живопись и мозаика старинные византийские. Кругом много церквей и престолов; в одном в стене хранится *oleum sanctum*, то есть святое миро.

Участвовавшие в процессии монахи францисканцы одеты в коричневые кафтаны с опущенными на спину капюшонами; головы их острижены венчиком, а маковка обрита. Капуцины в таких же костюмах, очень серьезны по лицу и, кажется, искренны. Они напоминают наших монахов в простых монастырях. Бороды они не бреют.

Да, Латеран прекрасен и величествен. От него веет стариной и торжественностью неподдельной.

Отсюда мы прошли на **святую лестницу**, по которой Иисус Христос восходил во дворец

Пилата. Она папой Пиём (кажется, IX) перенесена была из Иерусалима и обложена досками; по ней, в виде особенного подвига для прощения грехов, благочестивые восходят на коленях, не торопясь, на каждой ступеньке читают соответственные молитвы; прочитавши молитву, целуют мраморную лестницу через отверстия в досках. Наверху в конце лестницы — закрытая церковь, называемая святая святых; а направо — другая церковь, называемая *Via dolorosa*, то есть путь страданий, названная так от этой лестницы, по которой Христос восходил на страдания. На стенах этой церкви изображены разные моменты несения креста Христом; останавливаясь перед каждой картиной, благочестивые читают соответствующую молитву и тоже, постепенно, как бы восходя по пути Христовых страданий, получают индульгенцию. Налево — капелла, называемая привилегированною, так как в ней по особой булле папы совершается особенная очистительная месса, ради которой отпускаются грехи и души умерших освобождаются из чистилища. При нас стояла католичка, очень прилично одетая дама, и, не оглядываясь на нас, перед каждой иконой крестного пути читала по книжке молитвы. А по лестнице передвигались в разных местах ее богомольцы: одни, добираясь уже до самого конца, а другие, очевидно не столь сильные в духовной жизни, с половины спускаясь обратно.

В газете мы прочитали объявление, что в храме святого Карла на Корсо сегодня будет проповедь и торжественное вечернее богослужение. Мы поспешили воспользоваться этим случаем увидеть еще раз церковное католическое собрание. В храме ровно с половины 4-го часа до без четверти 5-ти часов патер Параскандалос говорил проповедь, во время которой ужасно жестикулировал, размахивал руками, топал ногами, бегая по кафедре и присаживаясь на стул; кричал ужасно сильно, иногда поднимаясь до весьма высоких нот, точь-в-точь как актеры на сцене читают патетические монологи; потом, как бы поуставши, бросался на стул, посидевши молча и как бы отдохнувши, снова принимался за проповедь. Вообще, действовал весьма размеренно и вычурно, как бы на сцене перед публикой. Народу было полный собор, и слушали замечательно внимательно; многие, очевидно, только для проповеди и приходили, потому что тотчас же после нее и ушли. А в это время престол постепенно украшался блистательным светом на канделябрах от множества свечей; над престолом была зажжена как бы высокая дуга из канделябров, к которым были подвешены стеклянные многогранники, еще больше придававшие всему освещению силы. На самом престоле горело множество свечей на высоких подсвечниках. Стены были украшены ярко-красными и темно-красными завесами. Все было блистательно, особенно при вечернем освещении. После окончания проповеди из ризницы вышли епископ и два патера. Епископ поднялся к престолу, открыл киворий с дарами и благословил вечернее богослужение. Сначала запели кастраты хором, за ними постепенно заиграл орган: *Κυριε ελεησον* и *Χριστε ελεησον*, а потом, после этого краткого вступления, запели разные кантаты: «ангел Божий, возьми грехи мира», *stabat Mater* и другие; слушать приятно, но только не в храме: молитвы никакой не возбуждают такое пение, а, напротив, расстраивают ее, развлекая приятными мотивами. По временам и народ что-то подхватывал и под аккомпанемент органа, без участия хора заключал стих, и очень стройно. Только молодое поколение уже не пело, а с любопытством посматривало на поющих, очевидно уже несколько отвыкая от участия в церковных торжествах. По временам епископ что-то почитывал, но его совсем не слышно было. В середине всего священнодействия он окадил престол.

Все это продолжалось очень долго. А в заключение последнюю кантату «*Benedicamus*» запел и хор, самыми сильными голосами, и орган, и, наконец, сверху на западе храма совершенно неожиданно весьма громко подхватили трубачи. Получилось нечто совершенно захватывающее, весь храм наполнился какими-то мощными и энергичными звуками, все загремело и после самого сильного удара сразу стихло, точно оборвалось. Нечто поразительное. Получилось потрясающее впечатление от этого стихийного сильного рева, но совсем не дикого,

а именно мощного. А епископ взял остензорий с дарами и медленно благословил народ, сразу павший на землю, поставил остензорий на место, надел митру и с патерами удалился в ризницу. Итак, в храме Божиим, назначенном для прославления имени Божия, для молитвы, как беседы с Богом, дано было совсем даровое (впрочем, тут же и на храм собирали, проходя с сумочками на длинных палках с подвешенными колокольчиками) оперное увеселение публики, битком набившей собор. Эффекта, восторга, чувства — много, хоть отбавляй, а религиозного чувства, молитвы — нисколько. Все сильно бьет в глаза и во все, тербит за нервы, а сердца по-Божьему не трогает, ибо все совершенно земное, звуки и манеры совсем низкочувственные. И таково все богослужение и церковная жизнь у католиков: говорит ли патер проповедь, он старается расчувствовать, но не вложить и не воспитать спасительное настроение в верующем; священнодействует ли — поражает то же чувство, чтобы все остальное затмить, задавить, чтобы потом верующий уж, так сказать, бессознательно шел, к чему его зовут. Словом, во всем проглядывает характер папства с его стремлением господствовать всюду и над всем, а не настоящая жизнь, незаметно развивающаяся, подобно жизни семени, возрастающего постепенно в целый колос. Все это палка, господствование над верующими, от которого удалялся и других предостерегал апостол Павел. Даже на исповеди патер отпускает грехи кающемуся тем, что прикасается к нему длинной палкой, которую имеет в своей исповедальне; а без этого и грехи не разрешены раскаявшемуся в них, даже, может быть, со слезами.

Ноября 17-го мы поехали за город в **катакомбы св. Каллиста** или мученицы Цецилии, мощи которой здесь найдены были. Катакомбы представляют как бы целый весьма большой город; они разделены на шесть этажей, со множеством улиц, переулков и кубикулов. Есть проходы шириной аршина в два с половиной, а есть и такие,

что едва только можно пройти тесно. Стены высоко-высоко изрыты печурами, в которые полагали тела умерших и закрывали плотно мраморными досками. Мощи мучеников большею частью полагались в особых обширных помещениях; там над их гробами и совершались литургии. В общем такие помещения очень сходны с современным расположением католических храмов: обыкновенно одна гробница, вероятно, особенно почитаемого святого — против входа, две или больше — по сторонам направо и налево, смотря по величине крипты. На стенах и в куполах местами очень хорошо сохранилась старинная символическая и лицевая живопись; много разных надписей, очевидно очень памятных и содержательных для первых христиан: тут и имена разных почивших или мучеников, тут и выписки из Святого Писания, тут и исторические заметки и т. п. В одной крипте сохранились целые остовы костей двух умерших; теперь они в гробнице под стеклами. Очень часто заметны тайные лестницы и выходы из комнат в боковые ходы; очевидно, по ним рассчитывали скрываться незаметно в случае крайней опасности. Некоторые гробницы и кубикулы очень разукрашены разной резьбой по прекрасному мрамору, — должно быть, в них лежали мощи какого-нибудь уважаемого мученика. В пещерах и печурах и вообще много видно костей умерших; но не заметно нисколько какого-либо тяжелого запаха, — напротив, как будто благовонным курением, самым тонким, пахнет всюду. Да и неудивительно: ведь тут жили и погребены люди, всецело предавшие себя Христу, а некоторые и пострадали за Него; на них явно почил владычественная благодать Христова, ее они носили в себе и, ею руководимые, не боялись никаких пыток и мучений, ибо жизнь их была сокрыта в Боге.

Первая после спуска широкая церковь зовется папскою, так как там погребено двенадцать римских пап. Проводник ходит в темных катакомбах, как в своей квартире, прекрасно изучил все улицы и переулки. Там не сыро. По всем катакомбам проведено газовое освещение, которое не знаю когда зажигается. Мы ходили со свечками, потом сгоревшими до конца, так что приходилось держаться за проводника и не отставать от него ни на шаг. Обошли три этажа

катакомб. Рядом ниже катакомбы святого Севастиана, но туда мы уже не спустились, так как устройство их одинаковое с обойденными нами. Итого всего в катакомбах шесть этажей. Под храмом святого Севастиана некоторое время лежали тела апостолов Петра и Павла. В самом храме монахи трапписты показывают на камне стопы Иисуса Христа, явившегося апостолу Петру, уходившему из Рима от гонения и спросившему Христа: «Quo vadis, Domine», или «камо грядеши, Господи?» Исполненные священных воспоминаний побродили мы по этим святым местам: здесь на костях мучеников создавалась и окрепла церковная жизнь; здесь среди скорбей и страданий изгнанников проявилась вся сила веры Христовой; здесь исповедники веры создали непреодолимую стену и победили гордый мир славною победою духа над плотью. После минувшей беды или скорби поучительно бывает вспомнить в спокойное время эту минувшую скорбь, мужественно перенесенную без уныния и ропота; поучительно потому, что так познается сила духа, исполненного совершенного терпения. Так, бесконечно более поучительно проходить по этим местам минувшей сильнейшей скорби для первых исповедников веры Христовой, ничего не имевших за собой, кроме этой самой веры: сильно чувствуется именно здесь в катакомбах несокрушимая сила дела Христова, дела Сына Божия; незаметно и сам проникаешься силой веры, хочется верить всецело, так, чтобы всецело отдаться Богу и, невзирая ни на что, смело и бодро идти верой к Богу. Чувствуется, что вот отсеки человек самоволие и угождение себе, заботу о себе помимо Бога, поверь и скажи себе раз навсегда: «Бог нам прибежище и сила», скажи так, чтобы навсегда хранить в сердце это слово, и начнется иная жизнь, жизнь ясная, жизнь хождения по ясным путям Божиим. Тогда все становится для человека ясным, как Божий день: ибо конец всего для него в Боге, к Нему и нужно направляться, чтобы быть Ему своим и Его познавать как своего Бога, как носимого в сердце владыку.

Возвращаясь от катакомб, были в **храме святого Креста** у доминиканцев; там показывают в верхнем храме большую часть древа Креста Господня, гвоздь от Креста и часть надписи, причем на ней и римские, и греческие буквы идут в обратном порядке (по-еврейски); это что-то странно. На память купили гвоздь и снимок надписи. Под престолом за стеклом лежат останки мученика Феодора; сохранились будто бы его кости, завернутые в одежде, а голова приделана, так что перед вами лежит как бы сам святой мученик. И зачем это? Если Бог не благоволил сохранить всего тела мученика, как сохранил других мучеников, то зачем мы будем создавать ему искусственный образ? Для молитвы эта подделка не поможет, а скорее повредит своей искусственностью; истинно верующий даже усомнится в действительности и самых костей святого, видя такое странное их добавление. Ведь христиане получают по вере сильную помощь от простого прикосновения только к костям мучеников или вообще святых; а к такому добавлению никто, вероятно, с верой не прикоснется, а скорее только с некоторым любопытством на него посмотрит. Отсюда заезжали на минутку опять в Латеранский собор; на заднем его портике видели прекрасную из белого мрамора статую царя Константина Великого, который изображен совсем молодым и женственным, каким я его никогда не представлял; на голове — венок из цветов; когда устроена эта статуя, не знаю.

Заезжали на развалины **терм** Каракаллы; это громадные старинные бани, занимающие громадное пространство и имеющие высоту, как теперешние четырех- и пятиэтажные здания; они разделены на множество громадных комнат или зал; в общем все они разделялись на горячие, теплые и холодные; есть и отдельные небольшие ванны и купальни. Печь, по-видимому, была одна громадная, от нее в стенах проведены всюду нагреватели; все устроено разумно и основательно. Стены были обложены прекрасным мрамором, пол мозаичный, местами и теперь еще мозаика сохранилась прекрасно. Кругом была роскошь. При входе устроены были весьма просторные игорные и гимнастические залы.

Видели и **колумбарии**: это в виде большого сарая каменного; по стенам наделано сплошь

множество печур с горшочками, в которые и вкладывали пепел от сожженных трупов умерших. Недалеко от них заходили в подземный грот, в котором и ставились гробницы императоров; там — гробница Сципиона; но далеко внутрь мы не заходили, так как расположение других гротов одинаковое с гротом гробницы Сципиона.

По дороге осмотрели **храм святого Архидиакона Стефана**. Он совершенно круглый, как пантеон, только в половину, вероятно ниже его и меньше несколько. В середине престол, чего в пантеоне нет. Он со всех сторон обнесен колоннами, на которых положена сень над престолом. Но это не главный престол; по обычаю католиков, главный престол — у стены, над ним в апсиде — прекрасная мозаика от VII века. Кругом на стенах нарисованы изображения разных страданий мучеников. Хотя некоторые картины и представляют простую мазню какого-то вольного художника, но производят ужасающее впечатление. В общем все они — сплошная кровь, сплошные терзания и сожжения; зрителя невольно объемлет ужас. Очевидно, строители храма были любители сильных ощущений и желали других пронять как следует. Под главным престолом покоятся мощи святых мучеников Прима и Фелициана. На стене висит шапочка и герб какого-то кардинала: знак, что это храм сего кардинала. В притворе — престол, на котором восседал папа Григорий Великий; престол из белого мрамора, в виде большого кресла; теперь на него уже никто не садится.

Заезжали в **Колизей**, в котором замучены тысячи христиан разными способами. Колизей — громадное круглое здание, сверху открытое; говорят, он вмещал в себе до 100 тысяч зрителей. Ложи для зрителей восходят уступами весьма высоко, а может быть, восходили и еще выше, да верхушка отвалилась. Говорят, какой-то Император хотел исправить разрушившуюся стену Колизея. Дело это, должно быть, весьма рискованное, так что никто из вольных рабочих не взялся за него. Тогда предложили одному из заключенных в тюрьме, какому-то тяжкому преступнику, обещая, в случае исполнения поручения, совершенно освободить его из заключения. Тот действительно сумел дело исправить как следует и уже приводил его к концу, как вдруг однажды слетел с самого верха стены и, конечно, расшибся; так, бедный, и не получил свободы. И теперь эта стена видна как возобновлявшаяся после, но так и торчит недоконченная. Внутри Колизея находится громадная площадь для сцены. Под полом сцены глубоко, и по сторонам ее, в нижнем этаже стен, устроены громадные помещения для борцов и стойла для разных животных. Под Колизеем шли прежде, и теперь еще сохранившиеся, подземные ходы, соединявшие его с Мамертинскою страшною темницей и другими городскими тюрьмами. Вот здесь-то и происходили раздирающие душу картины разных мучений христиан, при созерцании которых радовались и императоры и римляне. Невольно вспомнилось описание этих мучений, представленное Мицкевичем в его романе «*Quo vadis?*» И сколько тут пролито невинной и святой христианской крови только ради увеселения пресыщенных всякими удовольствиями римлян! Но смех их превратился в плач: они ведь потому и забавлялись мучениями христиан, что утратили чувствительность к удовольствиям иного рода, изжили всякое содержание, а потому уж сами себя привели к концу, и Рим пал.

Теперь эта открытая борьба света со тьмою уже прошла. Теперь редки открытые гонения на христианскую веру со стороны неверующих. Враг понял, что так бороться для него же невыгодно. И вот он ухищряется побороть христианство иными, тайными средствами и путями. Он всюду расставил свои антихристианские сети, всячески и даже под благовидными предлогами смущает и совращает верных чад Божиих, призванных к святине; и многие-многие гибнут, не разумея пути Господня. И теперь нам надлежит бороться, как и всегда было это, против того же гонения на веру, только в другом виде, а поэтому и сопротивление должно быть иное. Первые христиане за веру не утраивались и смерти и охотно шли на нее, чтобы сохранить свое драгоценное достояние, ибо живот их был сокрыт со Христом в Боге. Мы теперь должны

стараться как можно глубже закладывать в себя семя истинной веры, чтобы она была в нас живой и действенной, чтобы весь строй нашей жизни противостоял всяким ухищрениям дьявольским. Все мы, христиане, должны позаботиться, чтобы общее церковное сознание для всех было уяснено и стало как свое, чтобы церковное начало жизни было светлым и полным началом для всех нас. И чем крепче и яснее будем мы сознавать себя живущими в Церкви, тем непобедимее явимся для всяких ухищрений сатаны. Вот это дело и есть опять дело крови христиан. Теперь прежде всего, как и всегда, руководители общества христиан являются как ангелы своих церквей, нося их в своих сердцах, заботясь и со скорбию перед Богом постоянно моля за них, от своего полного любви и веры Христовой духа, вливая в каждого своего пасомого все богатство спасения. В этом-то смысле святой Тайновидец апостол Иоанн и отождествляет церкви с их предстоятелями, указывая на ту крепкую духовную связь, какая в хорошем или худом отношении непременно существует между ними. А сколько для этого нужно потрудиться, чтобы действительно носить паству в своем сердце и являться за нее ходатаем пред престолом Божиим? Сколько нужно скорби и волнения, сколько труда и самоограничения, чтобы учение сделать действительно достоянием пасомых? Это действительно дело крови и скорби всех и каждого, начиная с пастырей и до последнего верующего, сознательно относящегося к вопросам Церкви. Но чем больше вложено духовных усилий именно для этой цели, тем прочнее будет самое дело, тем выше будет рог православных, тем непобедимее мы будем для всяких нападений вражеских. «Семя, если не умрет, то не оживет» — это ободряющий закон жизни навсегда.

В прошлый раз нам не пришлось осмотреть **храм Иисуса** (иезуитов), потому что пришли во время проповеди, когда собор был наполнен народом. Сегодня мы и зашли в другой раз. Храм очень роскошный и богатый, но не искусный и не изящный: все в нем как-то аляповато, грубо, вычурно, отчасти напоминает купца-строителя или жертвователя храма. Он по-прежнему декорирован; очевидно, праздник продолжается или еще приближается. Храм очень обширный, продолговатый, с двумя рядами колонн по бокам. На левой стороне под престолом гробница основателя ордена иезуитов — Игнатия Лойолы. Престол роскошный, из лаписа-лазури; из него же над престолом устроен балдахин в виде громадного глобуса. Над престолом, за картиной молящегося Игнатия, находится его прекрасная (говорят) статуя, открываемая только в его праздник. В некоторых исповедальнях исповедницы через решетки нашептывают свои грехи скрытому патеру; по местам исповедуют свои грехи и семинари-стики: патер в знак разрешения грехов раскаявшемуся непременно прикасается потом к исповеднику длинной палкой, — вероятно, вместо всякой другой непременной индульгенции. И сколько раз мы ни заходили в храмы здесь, постоянно видали исповедующихся, много ли мало ли. Очевидно, патеры крепко держат своих пасомых в руках. А ведь это — Рим, город большой и бойкий; и, однако, светские барыни считают своим долгом непременно исповедоваться. К сожалению, не приходилось почти совсем видеть исповедников мужчин. Да ведь и вообще, кажется, в руках патеров больше женщины, чем мужчины; говорят, что мужчины, и особенно служащие на государственной службе, здесь все против папы и за настоящий государственный порядок вещей; а женщины, и отчасти неслужилый класс, — все на стороне папы и против отнявшего у него власть правительства; будто бы эта рознь здесь весьма заметна даже в семейной жизни.

Отсюда прошли в **Мамертинскую темницу**, над которой и в которой теперь храмы. Она состояла из двух этажей; верхняя обширная соединялась небольшим отверстием с нижней, или внутренней, темницей; через это отверстие и сажали туда преступников, а также подавали им и пищу. Высота внутренней темницы, вероятно, аршина 2,5, а окружность — аршина 1,5. Туда и сажали тяжких преступников, — каковыми, между прочим, оказались и апостолы Петр и Павел, — привязывая их к столбу цепью. Там, по молитве апостола Петра, из полу вышел источник, водой из которого он и окрестил уверовавших стражников, потом замученных. Темница

соединялась тайными подземными ходами с сенатом, из которого и по решению которого сюда и засаживали преступников, а также с Колизеем, в который выслали их на борьбу со зверями, то есть на смерть. Вот эта самая нижняя темница и есть та внутренняя темница, о которой упоминает писатель жития, говоря: «и всади их во внутреннюю темницу». Можно себе представить, что это была за темница и какая пытка была для заключенных в ней: туда спускали заключенных сколько только могло поместиться, там они все лежали кучей, там же должны были справляться и со всеми своими естественными нуждами. Сообщения с воздухом никакого, кроме небольшого отверстия в потолке; но ведь верхняя темница тоже была переполнена виновными, заключенными тоже в безвыходное положение и разобщенными со светом Божиим. Многие умирали здесь, не вынеся такой пытки, до мучений в Колизее и тем еще более заражали воздух. Вот какие ужасы претерпевали святые мученики. И, однако, все они не теряли духа и бодрыми потом выходили на мучения, переходя ими от временной к истинной жизни с Богом. Самая эта ужасная темница была свидетельницей многих чудес и обращений к вере или заключенных за иные вины преступников, или самих стражей, совершенно свободных граждан. Да, действительно, только живя силою Христовой и могли твердо перенести все эти напасти святые мученики. Невольно задумаешься над силой их духа, ни перед чем не остановившегося и не поколебавшегося в исповедании веры. Очевидно, Христос был для них самою их жизнью, так же ясною, как ясно для человека то, что он живет, пока не разлучился от тела.

Ноября 18-го. С утра отправились за город и видели **храм апостола Петра «в веригах»**, которые и показывают под престолом в ковчеге, и храм на Яникульском холме, то есть на месте распятия Апостола; во дворике этого храма показывают и место самого распятия, над которым теперь нечто вроде часовни, из-под которой берут песок; взяли и мы. В первом храме в главной апсиде прекрасная мозаичная икона святого Севастиана мученика. Яникульский холм занимает очень высокое положение над городом, который с него виден прекрасно; там разведен новый сквер, украшенный статуэтками разных новейших государственных уже деятелей и знаменитостей.

Оттуда проехали в **храм священномученика Климента**. Верхний его этаж — образец древних базилик. Храм очень высокий и длинный, но не особенно широкий; двумя рядами колонн разделен на три корабля, из которых в срединном устроена особая мраморная преграда (аршина 1,5 высотой), — вероятно, для каноников собора, так как там устроены амвоны для чтения апостола и Евангелия с обоих боков впереди, а по сторонам стасидии; эта преграда перенесена из нижней древнейшей базилики. На возвышении, приблизительно в 3—4 ступеньки, совершенно отдельно от храма, как в наших церквах, — главный алтарь, под которым почивают мощи святых Климента Римского и Игнатия Богоносца, как свидетельствует надпись на престоле; преграды между алтарем и храмом нет; в апсиде на четырех ступеньках — кафедра епископа, а направо и налево — места для священников. В куполе апсиды — прекрасно сохранившаяся древняя мозаика; изображены Христос и по сторонам Богородица и апостолы.

Старинная живопись — совершенно византийская. Этот храм производит впечатление отчасти оставленного и забытого: не заметно в нем никакого благолепия, а напротив — как-то пусто всюду, даже посетителей не заметно; и храм бывает открыт только в известные часы дня. Должно быть, и папы не особенно дорожат этой редкостью и стариной — памятником одного из первых своих предшественников. Спускались мы и вниз; там остатки самой древней базилики, она совершенно темная и весьма сырая, везде сочится и струится вода; должно быть, от времени вся постройка углубилась в землю, как стоящая в сыром месте. Длина ее кажется одинаковой с верхней базиликой, но на самом деле значительно больше. Колоннами она была разделена на пять кораблей; но от колонн теперь видны только остатки, заделанные в стенах, устроенных сводами. Алтарь здесь, очевидно, был устроен так же, как вверху. По местам можно разобрать

ясные остатки старинной фресковой живописи. Направо на стене изображение Святых Кирилла и Мефодия; почти у самой иконы указывают и гроб святого Кирилла, а где его мощи — неизвестно. Недалеко от этого места по восточной стене спуск в нижний храм, еще языческий, в котором святой Климент и предавался разным мистериям, еще будучи язычником; теперь проникнуть туда уже совершенно нельзя, так как этот храм совершенно залит водой, в отверстие даже слышно, как каплет вода с потолка. Все это место и постройка были собственностью Климента.

Отсюда проехали в **храм** святой мученицы **Цецилии**, мраморная фигура которой устроена над главным престолом; святая изображена лежащею умершею, должно быть, после мучений; а направо в особом притворе указывают баню в доме святой, где она и была замучена. Храм устроен на родовой земле святой Цецилии и на месте ее кончины.

Недалеко отсюда храм, известный под именем «Восса del veritate»; в нем все устроено так же, как в храме святого Климента. Теперь он возобновляется и заставлен лесами. По стенам кругом видна фресковая живопись, есть совсем византийские иконы, какие и у нас теперь в употреблении. Что сделают с древними украшениями при возобновлении, не знаю. Собор очень обширен.

Свое название этот храм получил от древнего на его месте языческого храма, от которого в теперешнем храме сохранились колонны. В притворе указывают каменное круглое, в размер большого мельничного жернова, изображение лица, вероятно, какого-нибудь бога, с открытыми глазами и ртом; в древности для окончательного решения спора или суда над преступником обвиняемых приводили к этой фигуре и заставляли вложить ей в рот свою руку: верили, что если вложит лжец, то вернуть обратно не сможет, а справедливый не потерпит никакого вреда. Вероятно, крепко натолковали жрецы это суеверие, так что едва ли какой лжец осмеливался на такую последнюю меру; так это верование и осталось ни разу не опровергнутым. А может быть, и лжецы безнаказанными оставались именно благодаря этой модели.

Сегодня еще раз были в **Ватикане**, чтобы осмотреть все остальные его достопримечательности. Осмотрели славную всюду Сикстинскую капеллу, которая славится прекрасными картинами разных художников первоклассных, особенно Микеланджело. Капелла — крестовый храм папы, в котором он и совершает обычно свою мессу. Она представляет из себя длинный, но не очень широкий храм, посередине поперек зачем-то разделенный железной высокой решеткой; по бокам устроен помост в одну ступеньку, для чего — не знаю. Престол в ней один, у восточной стены. Высокий храм весь расписан сплошь разными картинами. Над престолом во всю стену — картина Страшного Суда, а в куполе история мироздания — картины Микеланджело. На мой взгляд, картины не соответствуют духу христианства. Христианское художество должно отображать в себе весь смысл или самый дух христианства; важно, чтобы всякая художественная картина воспроизводила соответствующее духу христианской Церкви и зрителей возвышала до истинно духовных чувствований и представлений. Вот этого-то, на мой взгляд, и нет в знаменитой Сикстинской капелле. Картина Страшного Суда — это изображение борьбы каких-то страшных титанов: все святые и прочие люди какие-то великаны, обнаженные и толстые титаны, ничего духовного не являющие в своем виде; это — не подвижники веры, поработившие плоть духу, а, напротив, усердные гимнастеры и борцы, как бы гордящиеся основательностью и мощью своего тела, прекрасно развитыми мускулами; на лицах их не написано никакой силы веры или силы духа; напротив, лица их дышат самоуверенностью силачей, которым ничего не стоит раздавить кого угодно. Господь изображен в виде какого-то исполненного физической силы охранителя общественного порядка, а не в виде Превышемирного Духа — мудрого Управителя всей вселенной. Местами современники художника указывали в картине Страшного Суда изображения разных современных ему папских

деятелей; но так как некоторые из сих слуг непогрешимого папы были изображены далеко не на почетном месте, то многие оскорбились, узнавши себя, и автор картины за это серьезно поплатился. В общем вся картина представляет нечто совсем неуместное в храме, — самая обычная картина Страшного Суда, какую можно видеть в наших соборах, гораздо осмысленнее и более содержательна в сравнении с этой фантазией прославленного художника. Картина мироздания лучше и осмысленнее. Но в общем вся капелла ничего святого не внушает. И, однако, все с великим удовольствием подробно всматриваются в каждую черточку картин капеллы, с благоговением поднимая голову и выражая удовольствие охами и ахами, — вероятно, больше потому, что уж очень прославился этот самый Микеланджело.

По соседству заходили в Ватиканскую картинную галерею; она не многосложна и не богата картинами; есть и хорошие картины, но христианского в большинстве их мало заметно. Есть, впрочем, картины, перед которыми, вероятно, невольно всякий остановится: так они внушительны. Вот, например, картины мучений католических миссионеров в Китае, Японии, Африке и т. п. Вероятно, смотря на них, католические семинаристы невольно и сами проникаются желанием или намерением подражать подвигам этих страдальцев в деле проповеди о Христе.

Всякие средства, думалось мне, нужно употреблять к тому, чтобы пробуждать в юношах идеальные стремления, чтобы они помнили не только цель — прекрасное окончание курса, а главным образом то, что после того им нужно иметь настоящее дело в руках и делать его как следует, ибо и дело это не простое, а церковное, единственно важное. Средств для этого множество, только бы иметь усердие пользоваться ими. Важно одно, чтобы всячески вводить питомцев наших духовных школ в круг церковной жизни, чтобы они знали, что делается в Церкви и в мире Божиим, в каком положении интересы Церкви занимают теперь мир, с которым им придется знаться, что нужно им самим иметь у себя в запасе для успешного и возвышенного, а не теплохладного или мечтательного делания. У нас теперь всякий год появляется множество и книг и журналов, обсуждающих именно дела настоящей церковной жизни; вот и важно, чтобы руководящие воспитанием и обучением вводили питомцев в известность всего этого, насколько это полезно будет для них, стараясь приподнять в них пастырский дух, желание и воодушевление служить Церкви и спасению ближних. Вот что мне думалось пред этими поразительными картинами в папской картинной галерее, пред которыми по временам останавливались и засматривались проходившие семинаристы.

Поднимались на гору и прокатились по парку на **Пинче**; парк очень обширный и прекрасный: множество деревьев, дающих большую тень, цветы издают прекрасный запах и украшают сад, в разных местах устроены пруды, в одном из которых важно плавают солидные черные лебеди, местами бьют фонтаны, расставлены разные колонны и статуи со статуэтками. Очень приятное местечко. Недаром здесь гуляет множество католических семинаристов. Они разодеты в разные формы, по народностям; между прочим, кажется, венгерцы — в совершенно красном платье. Все они такие жизнерадостные и здоровые ребята; одни усердно учат уроки, другие беседуют.

Да, большая армия у папы; и притом это все люди, ничем большею частью не связанные, потому что большею частью это сироты бесприютные; и потом они остаются свободными и от семьи, и от всяких других стеснений, поступая в полное распоряжение папы. Недаром католиков везде можно видеть как проповедников папства. Они и в Америке, и в Японии, и в Китае, и в Корее, и в Австралии, и в Африке и проч. Везде они уже посеяли семена католицизма. Действуют они не без усердия и в Европе. И это они для схизмы такое старание проявляют, уловляя искупленные Христом души в сети папизма, устранившего Христа. А ведь мы, православные, обладаем самую вселенскую истину, как она вложена Христом в Его Церковь:

ужели ей и суждено ради нас грешных оставаться в неизвестности? Ведь прежде всего именно к нам-то и относится завет Христа: «шедше, научите вся языки», ибо только мы и сохраняем Его слово, вся, елика Он заповеда нам, верующим в Него. И мир самый просыпается и открывает глаза; всюду понимают обдергающий мрак заблуждений; и вот с разных сторон стучат народы в двери православия, ища от него ответа на занимающие их вопросы и сомнения: протестанты и старокатолики ищут единения с православием, несториане умоляют о том же и просят себе просвещения, мир языческий среди нас самих просит света Христова (в Сибири и других местах). Но мы ли пробудили их в этом отношении? Возвещали ли мы свое богатство? Не сами ли они, напротив, додумываются до истины и самостоятельно нападают на настоящий след ее? В самое последнее время и в католичестве идет разложение, сознают там многие его ложность; но от одной лжи впадают в большую ложь: множество патеров переходят из католичества в протестантство. Такой оборот принимает это дело именно потому, что на Западе весьма и весьма многие, даже подавляющее большинство, не знают ничего о православии, кроме старинного поверия, что это схизма и застывшая форма, лишенная жизни. Да и нужно сознаться, что трудно им и знать истину нашу, если мы сами ни словом не обмолвились о ней...

Но... я уже совсем в сторону ушел от Рима и от Пинче, переполненного жизнерадостными католическими семинаристами, может быть, нашими будущими ярыми противниками. И вспомнились мне тут мои ардонские ученики, все ребята хорошие, с желанием трудиться в деле просвещения Осетии светом Христовым.

От Пинче проехали в монастырь **Капуцинов**. Монастырь очень большой, и главный собор в нем очень обширный. Все монахи ходят в коричневых подрясниках, бороды не бреют. У них прежде был такой обычай, что мертвых через три года после смерти выкапывали из земли и кости их складывали в особые помещения; мы и видели теперь до пяти комнат, наполненных, в порядке наложенными, костями человеческими; стены разукрашены вензелями из тех же костей; есть и остовы человеческие из костей, в виде скелетов, причем некоторые одеты в капуцинское платье и т. п., как будто живые стоят на стенах. В храме под одним боковым престолом на правой стороне лежат мощи святого Криспина (одного из Барберинов, основателей монастыря): целое тело, не сгнившее будто бы, одето в одежду капуцинов; «только лицо немного подведено красками и мастиками, так как немного поиспортилось», объяснил показывавший это монах. Дивно. Но зачем все подобное у католиков только напоказ, как картинка довольно затейливая, а не для назидания и молитвы. И положили бы это тело так, как полагаются наши святые мощи; нет, они убрали его за стекло, придали ему некоторую причудливую позу, сочли нужным восполнить и то, чего Бог не сохранил, и любопытствующим показывают это на удивление.

Ходили еще в **катакомбы святой Агнессы**. Вверху — прекрасная старинная базилика, очень обширная; она много ниже уровня земли; на горнем месте — седалище для епископа, а по сторонам — для священников. Здесь собралось порядочно желающих побывать в катакомбах, но теперь там была уже другая партия, выхода которой мы и ожидали. Катакомбы небольшие: этажа в три; да они и невысоки и узки, сравнительно с катакомбами святого Каллиста. Внутри катакомб видели пещеру, в которой найдены были мощи святой Агнессы; гроб ее мраморный сохранился и теперь, только от верхней крышки остались небольшие куски, один из которых и я стащил, хотя вверху на таковых лиходеев и прибито папское проклятие; потом постараюсь написать на этом камне какую-нибудь икону. В катакомбах довольно сыровато; должно быть, почва места вообще здесь сыровата. Но замечательно приятный какой-то воздух в катакомбах; ощущаешь какое-то особенное тонкое благовоние, особенно заметное, когда выходишь наружу. Это — кровь мучеников за Христа. С нами ходили как зрители два патера, два-три семинариста и несколько светских. Походили мы в катакомбах большой толпой всего только минут десять,

потому что скоро обошли все катакомбы. Эти катакомбы далеко за стеной города, но и тут теперь новые городские постройки, переполненные лавками да гостиницами.

По дороге видели погребальную процессию: впереди шли какие-то в красных подрясниках и капюшонах с такими же башлыками, совсем закрывающими лицо, так что видны только глаза; это, должно быть, какая-нибудь погребальная компания, вроде наших факельщиков; за ними шли, кажется, семинаристы в синих и черных одеяниях, а может быть, монахи какого-нибудь монастыря, хорошо не понял; и наконец — патеры, один из которых в епитрахили с крестом в руках. Все они что-то пели гнусаво и очень странно, не дружным хором, а каким-то завыванием. Позади всей этой процессии несли гроб покойника. В церкви народ как бы замер на месте от такой печальной процессии. А некоторые около церкви переговаривались, как будто в недоумении: и не решаясь уйти отсюда, и страшась этого странствования за гробом.

Ноября 19-го опять заезжали в **собор святого Петра**. Теперь собор произвел на нас еще худшее впечатление при более спокойном рассмотрении его. Кругом — громадные статуи разных пап в странных позах: как будто все они проповедуют со свойственными католикам жестикуляциями; при них, как символы их добродетелей, еще более как будто рисующиеся пред публикой, разные ангелы и женщины. Кругом все так пестро и режет глаза, что не получается никакого впечатления великолепия и изящества собора, а, напротив, некоторой грубости и неизящества. Преобладающий красный мрамор производит резкое впечатление. Храму Петра при его поразительном богатстве, пред которым невольно приходится удивляться всякому, недостает именно изящества и возвышенности в замысле и в исполнении этого замысла. Цельного впечатления от него, как именно от христианского храма, не получается. Храм есть место молитвы, как беседы души с Богом; сюда человек приходит затем, чтобы в беседе с Богом найти здесь благодатную тишину и мир душе своей; здесь душа должна восходить к Богу и Бога низводить к себе. К этому должно руководить и богослужение, и вся внешняя обстановка храма. Самое искусство должно содействовать этому возвышению духа к Богу. Необходимо, чтобы в прекрасном создании рук человеческих, исполненном высоты и гармонии во всех своих частях, отображающем все лучшее в мире и в человеке, в изящном и возвышенном по исполнению над всем чувственным храме вещественном, — человек мог восходить в храм превышемирный, к престолу нерукотворному, на котором восседает Царь Славы. А в храме святого Петра, напротив, тот же самый мир, только в некотором отвлечении или обособлении от всего другого и, следовательно, еще более выпуклый и бросающийся в глаза. Что же может быть здесь благодатного для души? Как она может здесь восходить в мир иной, к Богу, если здесь все еще более привязывает и привлекает ее к этому миру? Ибо ведь здесь все так прекрасно, так прекрасно... вот так же, как и в жизни. Поэтому все здесь земно. Чувствуется, что путь ко спасению у католиков не есть путь постепенного восхождения ко Христу, Начальнику и Совершителю спасения, тесным путем борьбы с собой, постоянного самоограничения, а есть хождение тем же путем мирского покоя: к этому и музыка, и пение, и артистическая проповедь (так что, пожалуй, можно и в оперу не ходить), и индальгенции, для которых ежедневно особые привилегированные мессы, и формальное отбывание дела духовной молитвы обязательным посещением хоть тихой краткой мессы, в которой ничего не понять, да и не слышно ни слова, потому что это — тайная месса. А внешность и внутренняя отделка храмов, преисполненных блеска и величий, разных вычурных фигур, тоже имеет, по-видимому, свою единственную целью поразить величием.

Да и сами католики прямо объявляют себя не только проповедниками веры, но и разносителями культуры по некультурным народностям. В прямое подтверждение этого, забегаю немного, всего на четыре дня, вперед, скажу о соборе Парижской Богоматери. Там на видном месте над кружкой вывешено воззвание, приглашающее пожертвовать на католических

миссионеров, разносящих по всему языческому миру веру и «цивилизацию». На распространение веры-то просвещенные по последней моде французы едва ли пожертвуют, а вот как уверили, что и на разнесение их культуры, тут, конечно, кое-кто и расщедритя, по воззванию убедившись, что миссионеры не фанатики веры, не бредни какие-нибудь возвещают миру, а самую настоящую культуру просвещенного человечества, приобщая и дикарей к нему.

Вообще, что касается дела, то в этом отношении католики молодцы. Они крепко держат в своих руках всю свою паству, и она им в большинстве случаев послушна. У нас в России светская молодежь часто стыдится выказать религиозность; а в католических храмах тамошняя молодежь идет даже со своими молитвенниками и на коленях вычитывают положенные молитвы, на глазах у всех идут к духовнику на исповедь и причастие, набиваются толпами на проповедь и т. п. Ежедневно у католиков бывает по церквам звон в 12 час. дня, и тогда все должны прочесть молитву Господню, пока звонят; в 7,5 час. вечера — звон на молитву «Богородице Дево, радуйся»; в 9 час. вечера — звон на вечернюю молитву перед сном; бывает звон и утром, вероятно на утренние молитвы. Пусть не все это исполняют, но говорят (не католики), что все-таки этого строго держатся среди католиков. Или вот — епископ благословляет народ, и весь он преклоняется на землю. А сколько у них готовится деятелей на духовной ниве? Везде по городу только и видишь, что ходят патеры или семинаристы. Последние никогда не ходят поодиночке, а непременно партиями или по двое; это, конечно, в видах воспитательных, чтобы могли друг за другом следить и удерживать от проступков. В этом заключается известная иезуитская система фискальства, введенная в правило семинарий.

В католицизме все имеет определенную цель, ибо все делается по определенному плану, а не ощупью: в общей системе никакой молодец не должен быть на свой образец, а все должно идти к одной общей цели, ибо Церковь есть тело Христово, а мы порознь — члены. Как приятно видеть патера, идущего по городу с одним или несколькими семинаристами и просто, но задушевно с ними беседующего: он не боится ни фамильярности в отношениях к ученикам, ибо держит себя авторитетно, ни чрезвычайной напыщенности, ибо является им как бы отец или только авторитетный руководитель, ставящий их интересы своею целью. Конечно, в семье не без уродов, но в общем у них и в последствиях сбивчивости не бывает; у них и выходят люди закаленные, с крепкой волей. И в семинаристах их незаметно вольности, а, напротив, выдержанность и вместе с тем живость молодежи. Я с удовольствием засматривался на эти толпы семинаристов католических, особенно на Пинче, но и с трепетом: ведь это наши будущие враги, ведь их теперь уже патеры воспитывают в этой мысли, и воспитывают рьяно, не жалея красок и сил. И нужно заметить, что семинарист и по выходе из семинарии не забыт и не оставлен сам себе; напротив, он известен, получает не случайное место для дела, а соответствующее ему, и после не забыт в руководительстве, ибо вся система католическая проникнута строго единством плана. Это большой разумный пчельник, если можно так сказать. И что, если бы нам иметь такое богатство деятелей, строго во всех отношениях намеченные планы, вытекающие из одного главного начала дела, ясно всеми сознаваемого, иметь бы и подобное им материальное богатство для дела, — что бы мы могли сделать всюду и во всех отношениях? Ведь паписты, как они ни ревностны и ни многочисленны на строго во всех отношениях определенном деле, все-таки трудятся только для себя самих, то есть для своей системы папства, а не для чего-либо высшего и единственно самоценного. Ведь в существе дела это совершенно царство от мира сего, даже самым осязательным образом отразившее на себе все главные черты земного царства. Да ведь, несомненно, и самый сравнительный успех католичества в деле есть только плод этих внешних мер, всего богатства и лиц и сил, какими располагает вообще католичество. Если всюду разослать вещателей, всюду понастроить разных благотворительных учреждений, вообще как можно шире раскинуть сети совершенно

человеческих мероприятий, то само собой дело станет всюду известным и распространится. Но это дело настолько же чисто человеческое, как и всякое самое обычное дело филантропии или подобного характера предприятие. Успех еще совсем не свидетельствует о внутренней силе самого дела, а только о богатстве и разнообразии средств его. Поэтому и успех католичества внешний, количественный, силы его не являющийся.

Как старается всюду папа подавить великое дело православия: и на Востоке, и в самом нашем Отечестве, и на Западе, и в языческих странах, а ничего не может поделать. Да и не сможет никаким образом, пока сам не одумается и не возвратится, откуда ниспал, если и для него еще возможно это. А уж все, кажется, благоприятствует его успеху: у нас и деятелей немного, и деятели не такого рода, как паписты, и иных средств мы не имеем, как их имеет папа; и, однако, православие стоит прочно и даже растет на удивление врагам его. Дело в том, что православие есть истина, есть ничем не запятнанное слово Христово, то слово, о котором Он сказал апостолам: слушай вас Мене слушает; веруй в Мя, верует в посланного Мя Отца. А с этим словом никто считаться не сможет, оно само за себя постоит, ибо Христос сказал: Се, Аз с вами до скончания века. Аминь ([Мф. 28:20](#)). Как в Ветхом Завете Бог Сам охранял истинное семя веры и среди самого вероломного народа иудейского, так и всегда Он Сам есть единственный Строитель Своего дела, а деятели — только слуги Его, как говорит апостол Павел. И поэтому, как бы ни трудились люди, какими бы богатыми средствами ни располагали для дела, если оно не Бо-жие дело, оно не преуспеет как следует, не возьмет истинной силы, хотя бы и имело видимый и поразительный успех. И, однако, смотря на эту громадную армию, какую располагает папа, невольно возникает желание: что ж бы мы могли сделать для православия, если бы имели такие же человеческие средства? Ведь мы только и обладаем истиною, которая сама за себя говорит и засвидетельствована целой историей Церкви православной; а если бы к этому прибавить и нашу собственную энергию и самоотвержение, то как бы еще более процвело это дело? Ведь и в первые времена христианства — как богато действовала благодать Божия? Однако как трудились посланные Христом апостолы и все христиане для дела Церкви? Не покладая рук, забывши все, созидали дело веры, и потому даже среди тяжких внешних гонений не только уцелели, а и вышли славными победителями всего мира, на них ополчившегося. То было первое время, когда силами и чудесами нужно было доказать и явить христианство; теперь самая история уже говорит за него. Тех изумительных чудес мы уже не должны просить от Бога, чтобы не искушать Его своим маловерием. Но теперь само христианство является силой; оно само за себя говорит и в отдельных лицах, и в целых народах, им руководящихся. Поэтому внешние мероприятия в деле православия только будут являть эту самую его внутреннюю силу, проявляя вовне то, что в нем есть. У каждого христианина глубоко в сердце должны лежать постоянно слова Христа: «Жатвы много, а делателей мало; итак, молитесь Господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву Свою». Вот какие мысли навеял мне собор святого Петра и вообще впечатление от Рима!

От собора святого Петра мы заходили еще в древний храм, построенный в одной из зал Диоклетиана; и думал ли когда-нибудь об этом злой враг христианства? Вот бы он воспылил гневом-то! Храм очень большой и светлый, устроен в виде креста и имеет громадный купол, очень внушительный, как свод небесный. В этом храме недавно венчали итальянского наследника; папа весьма рассердился за это и на патера, и на храм, почему теперь этот собор и причислен к придворному ведомству.

По дороге некоторые патеры нам почему-то кланялись весьма любезно, может быть ошибаясь в одежде, так как наши широкие шляпы весьма похожи на их; а может быть, это патеры из французов, которые теперь полюбили все русское; а может быть, и по другим причинам и побуждениям.

У отца К. (настоятеля посольской нашей церкви) познакомились с С. Д. Сазоновым, секретарем нашей миссии при папе. Очень образованный человек, весьма интересуется всем церковным и прекрасно все это понимает; папскую курию знает превосходно до многих мелочей. О папе говорит, что он весьма бодрый старик, ревностно и до сих пор вершит все дела; слухи о его нездоровье напрасны. Оказывается, кардиналы не все в высших степенях иерархии: кардиналом может быть диакон и даже совсем светский, и, однако, при богослужении даже он сидит на своем престоле пред жертвенником, и этот же светский кардинал управляет непременно собором каким-нибудь, начальствует над епископами. Он даже может быть папой, если бы его выбрали. Странное смешение церковных степеней. Кажется Сазонов, а может быть и другой кто, рассказывал интересную особенность закулисной жизни папской курии. При старости всякого папы, конечно, все кардиналы гадают, кто будет папой. Конечно, всякому хочется быть им и всяк про себя думает: а кто знает, может быть, и меня изберут? И чем же я хуже такого-то? И вот многие кардиналы начинают неожиданно заболеть. Говорят, это верный признак, что сей кардинал хочет быть папой. Все при выборах рассчитывают так: это больной, долго не проживет, скоро уступит нам место, да и делами мы будем ворочать за его болезнь. Такого именно больного выбрали в папу 22 года тому назад, а он живет до сих пор, да и многих еще может пережить, надеющихся на его смерть, а тех, которые рассчитывали при выборах на его близкую смерть, он давно пережил. Это настоящий папа [Лев XIII](#).

Вот и весь Рим, насколько я успел в это короткое время познакомиться с ним. Конечно, это все внешняя сторона Рима и католичества. Нам и хотелось как-нибудь проникнуть во внутреннюю жизнь его, познакомиться поподробнее с его порядками и учреждениями, узнать, например, жизнь и дело семинарий и академий католических, посмотреть на жизнь монастырей и на деятельность в разных орденах, присмотреться к делу знаменитого другого папы — Пропаванды, поляка Ледоховского, и т. п., но временем достаточным мы не располагали. Пришлось ограничиться только тем, что видели. Все-таки весьма приятно и то, что удалось рассмотреть кое-что в Риме. Уж одно то хорошо, что пришлось побывать в Риме, в этом святом городе, залитом кровию бесчисленных святых мучеников. Ведь главным образом здесь и создалась Церковь на крови мучеников. Да познает же он опять силу Христову, создавшую его прочно, и да отвратится от заместившего Христа Бога простого папы, да проявит дела первые и наследует славу у Бога.

Погода стояла нехорошая, да нам и некогда бы было наслаждаться ею за беготней по городу.

Путь от Рима до Японии

Ноября 19-го. Поблагодарили мы отца К-та за радушное гостеприимство и, провожаемые им и близкими к нему, в 10 часов вечера на поезде выехали из Рима в Париж.

Целый следующий день пришлось нам ехать по Италии. Страна и до Рима, и здесь очень возделанная: земля везде разработана, уплодотворена, упорядочена. И, очевидно, итальянцы весьма любят ухаживать за землей кормилицей своей: так у них вся она хорошо и красиво распланирована и обработана, что любо-дорого местами посмотреть. Пред глазами мелькают красивые то масличные рощи, то виноградники, то фруктовые сады, то хлебные поля, то огороды и т. п. Почти незаметно свободного местечка, где бы рука человека не приложила своего дела. И все это рассыпано то на равнинах, приютившихся среди холмов, то на самых этих причудливых и разнообразных по форме и высоте холмах; местами проглядывают высокие Апеннинские горы, теперь уже побелевшие: вид их на солнце от этого еще красивее, они как бы переливаются в разных цветах и красках, местами то повышаясь к небу, то, напротив, понижаясь и переходя в ущелья или широкие долины. То и дело виднеются с железной дороги белые церкви католические, имеющие вид каких-то сторожевых постов, потому что близ них редко заметно большое селение, а большею частью кругом расстилаются мелкие хуторки и поселки. Особенно богата храмами южная Италия до Рима, а до Бари — еще больше: там ими заполнено все поле зрения. Очень отрадно смотреть на такую картину: видно, что здесь силен был дух христианства, а в каком он состоянии теперь, это не нам судить: при поверхностном взгляде на страну едва ли можно сделать об этом правильное суждение.

Ноября 20-го. Границу к Франции переезжали как бы среди северной нашей среднерусской зимы: кругом снег, сердитый мороз, так что под ногами хрустит, и все прочее зимнее. К вечеру дувший ветер прекратился и погода сделалась весьма приятная, настоящая наша зимняя свежая, с яркими звездами на небе. Поднимались высоко в горы, а по сторонам виднелись и очень высокие горы, напоминающие наш Кавказ зимой.

В Модане был небольшой перерыв в движении: всех пассажиров попросили выйти из вагонов и без них вещи быстро перетащили в таможенную; там мы открыли свои чемоданы и показали свои вещи, но нас скоро отпустили как только проезжающих чрез Францию, а не едущих туда на жительство. А потом обратно без нас же все вещи перетащили в вагон, не перепутавши его с другим вагоном, как это водится большею частью. Всю Францию до Парижа пришлось ехать ночью и ранним утром, так что ничего не видали по дороге. В вагоне пришлось ехать с тремя англичанами, кажется военными в отпуску. Народ очень добродушный, спокойно предоставляли нам в вагоне всякое преимущество и сами весьма теснились, хотя и мы не особенно ширились. Один на ночевку расположился на полу так, что непременно приходилось через него перешагнуть, чтобы попасть в уборную, у порога которой он и лежал; и он спокойно переносил такое поругание своей персоны: в дороге, мол, все терпи; а в заключение на утро отец архимандрит Сергей неосторожно даже просыпал на него зубной порошок: бедный англичанин только вскочил и поторопился убраться, как бы даже извиняясь или по крайней мере стесняясь, что, мол, улегся на таком неудобном для всех месте.

Ноября 21-го утром приехали в **Париж**, взяли какой-то крытый и приличный рыдван и поехали в Гранд-Отель, как близкую к конторе Кука гостиницу; гостиница — целый город; нас высоко подняли машиной, ею же перетащили вещи; и пока мы снимали верхнее платье и т. п., приходит служка и подает от извозчика счет еще почти на столько же, сколько мы должны заплатить до гостиницы; за что? мы вот сколько должны заплатить. А это за то, что вот извозчик

столько-то минут простоял и не получил по счету. Вот так прием. Пришлось заплатить: не спорить же с ним с первого шага. А за номер и за чай пришлось заплатить 15 франков: вперед наука — в Гранд-Отеле не останавливаться, а где-нибудь поскромнее. А потом ходили мы недалеко от отеля в ресторан закусить, и там пришлось сильно поплатиться карманом. Что ж делать: все равно кругом ничего не знаем, куда лучше идти. У Кука устроили мы себе путь до Нью-Йорка на самом быстроходном и большом пароходе американской линии.

Позабывшись о дальнейшем путешествии, отправились в **собор Парижской Богоматери**. Храм строго готического стиля, очень большой и продолговатый; множеством колонн собор разделен на три корабля; главный отделен низкой железной решеткой и сплошь уставлен стульями. Придельных престолов множество, и часть их поставлена уже у передней стены, а не так, как в Риме, — все по бокам. Окна высокие и узкие с разноцветными темными стеклами, так что и весь собор имеет мрачный вид, как будто созданный для привыкших молиться где-нибудь в темном уголку, а не в единении со всеми. Наверху — громадный орган. В церкви кроме постоянного сторожа никого не было, и, хотя был еще только 12-й час, все богослужение уже окончилось; это не то что в Риме, где всегда во всяком храме есть народ, а мессы продолжаются попеременно до полдня. Здесь на стене мы и прочитали то объявление, о котором я писал выше: собирают пожертвования на католических миссионеров, разносящих по разным странам и народам веру и цивилизацию, а, вероятно, больше последнюю, как говорит отец архимандрит С. в своих «Письмах с Дальнего Востока». А другое объявление гласит следующую важную для католиков радость: этому собору в разное время папами присвоены три привилегированные алтаря, то есть такие, на которых совершается жертва удовлетворения за всякие грехи живых и умерших, непременно сообщающая индульгенцию или снисхождение.

На нас парижане везде с любопытством и изумлением засматривались, конечно удивляясь нашим широким и длинным рясам, да и длинным волосам; но мы уже привыкли теперь к таким изумляющимся и расхаживали совершенно спокойно. А на вокзале какой-то прилично одетый господин снял нам почтительно шляпу; только второпях не разобрали мы, может быть, и русский, здесь проживающий, или тоже проезжает только Парижем, а может быть, и настоящий француз изъявил почтение из симпатии к русским. Города мы так и не видали, кроме того, что посмотрели по сторонам из кареты: шумный город, но погода была пасмурная, так что все казалось каким-то кислым. В 7-ом часу вечера на поезде выехали из Гавра и, вероятно, часов около 10 были там и сели на небольшой пароход до Соутемпто-на в Англии. Ночью хорошо поспали, а утром ноября 22-го сошли в таможеню; там скоро осмотрели наши вещи без задержек, а извозчик отвез в гостиницу, где нас по билету Кука угостили самой легкой закуской.

Так Англии мы и не видали, кроме этого одного города, покрытого густою мглою дыма и тумана. И такова самая Англия — вся в тумане.

Часу в 1-ом наш пароход «Сан-Луи» отвалил от пристани. Пароход наш самый большой — 11 тыс. тонн, и самый быстроходный — может делать по 20 узлов в час. Сначала от Соутемптона долго шли очень медленно, — должно быть, были сравнительно мелкие места, да и суда разные попадались или навстречу, или стоящими на якорю. Погода была долго очень туманная, а потом туман пропал и до вечера было очень хорошо, и качки не было, так что путешествие началось приятно. Но на другой день (воскресенье) с утра началась мучительная килевая качка, и погода установилась только ноября 27-го. Пассажиры почти все перестрадали, верхняя палуба превратилась в какую-то походную больницу: везде на раздвижных креслах кутались и охали, а некоторые и более существенно страдали от морской болезни. Я страдал воскресенье — вторник (ноября 23—25), и страдал весьма сильно: рвота, потеря аппетита, уныние, апатия, потеря всякой энергии; ни за что не хочется взяться, да и не делается, не думается, и все как будто из рук валится; книгу начнешь читать, ничего не выходит путного, внимания не хватает, да

и устаешь еще больше, так и бросаешь; ни на кого бы и не смотрел: ужасная тоска и мука. Об одном только и думаешь: да скоро ли конец-то путешествию? да и зачем здесь именно поехали? Как будто и конца ничему не предвидится совсем. Я все время лежал, спал, ел самую малость и так находил покой, качка не так делалась чувствительною; а как поднимешься с койки, так опять все кругом и пошло; под конец с удовольствием начал истреблять кисловатые апельсины, которые мне всякий раз щедро из столовой приносил слуга. И отец архимандрит С., долго храбрившийся, наконец не выдержал, и, когда я уже стал вставать помаленьку, он слег. Ноября 25-го вечером качка немного поутихла, а у нас хватило энергии хорошо подзакусить после голодовки, даже выпили американского шампанского для подкрепления (и противное же это шампанское, какая-то горечь). На другой день я совершенно встал и вот два дня хожу, нисколько не страдая от качки, хотя она и есть еще; очевидно, полезно в качку основательно вылежаться, и тогда она не действует скверно. Как-то будет дальше на Великом Океане? Ведь там придется целых 19 суток, а может быть и более того, идти до Японии. Отец С. теперь даже при самой уже незначительной качке чувствует себя не совсем спокойно, именно потому, что не вылежался вначале, как я, а все перемогался.

Пароход наш сначала пошел весьма хорошо: в первый день прошли 439 миль (в сутки), во второй — только 382, а в третий — всего только 284, так как во время страшной качки винт обнажался поверх волн, да и носом зачерпывали на быстром ходу. По утишении качки в четвертый день прошли 439 миль, сегодня, в пятый день, — 478, всего пройдено 2022, а остается еще 1032 мили. Не уверены, попадем ли мы в Нью-Йорк так, чтобы взять билеты у Кука до Японии, поспеть на поезд и попасть на пароходе в Сан-Франциско; а если не попадем, то плохо: места на пароходе Куком уже, конечно, закуплены на нас, так что нам придется поплатиться карманом. А в воскресенье у Кука контора, несомненно, заперта. Если пойдем исправно, как теперь, то надеемся еще поспеть как следует. А и сильная же была качка: волны вздымались точно горы над пароходом, и этот великан валился ими как щепка. Иногда была опасность, что вот-вот сейчас свалишься с койки на пол; а однажды во сне я даже и полетел уже, так что проснулся и ухватился за плечики койки.

Пассажиров на пароходе очень много, хотя далеко не полно: да ведь и пароход-то громадный — в 4—5 этажей; пассажиры все американцы и англичане, русского слова не слышим совсем. Народ очень добродушный и вежливый, хотя попросту: иной ходит-ходит по палубе, да вдруг и заговорит, даже со мной, думая, что я непременно говорю по-английски; приходится отделяваться краткими: о, yes и no; а иногда кой-что и поймешь. Но говорят они как будто проглатывают слова, зубами совсем не действуют, а как-то шамкают губами, как будто у них совсем и зубных звуков нет; говорят очень быстро, а произношение слова и его написание различаются так, что буквально можно сказать: если написано — Иван, прочитай — Василий, и будет правильно. Между собой они все очень попросту и согласно, все друг с другом разговаривают, расхаживают как свои или как участники одного веселого собрания семейного. Но вместе с тем замечательно соблюдают этикет: к обеду непременно надевают все лучшее платье и вообще запросто являются только к утреннему чаю и завтраку, а обед для них нечто священное в семейном кружку. И нужно сказать, кушают все они очень основательно: обязательно три раза в день; по составу блюд это буквально три обеда очень основательных; преобладает мясо в разных видах и зелень; вина истребляют не особенно много. Ко всем трем собраниям в столовую вместо звонка раздается пронзительный звук трех трубачей. На нас они сначала с изумлением посматривали. Когда я в первый день только что сел на пароход и расхаживал по палубе, то все обратили на меня внимание и даже нарочно многие старались пройти мимо меня, нередко с разными улыбками, а потом постепенно привыкли и смотрят как на своих людей. Народ все такой рослый, видный, здоровый, как мужчины, так и женщины;

очевидно, о физическом воспитании заботятся не мало. Почти все усиленно читают книжки, большею частью исторические романы или описания Америки. Привязанности к своей стране у них заметно очень много. И библиотека переполнена все больше книгами из американской жизни.

В воскресенье в 10,5 часов утра всех созвали в кают-компанию на богослужение; там посредине было поставлено кресло для управляющего богослужением, каковым оказался один из команды парохода; перед ним столик был украшен громадными двумя флагами: национальным североамериканским и пароходным; по столам кругом было разложено для каждого по две книжки: одна — духовные гимны, другая — молитвы; управитель богослужения сначала объявил гимн, и все запели его под аккомпанемент фортепиано (на нем же потом играют из удовольствия разные песни); пели все дружно; напевы весьма меланхолические, напоминающие напевы наших сектантских гимнов; по окончании гимна управитель прочитал молитву, после которой все, ему вторя, прочитали молитву — исповедания грехов, а потом начались антифоны: управитель читал одни стихи антифонных псалмов, а слушатели — другие. Но, к сожалению, качка помешала мне прослушать все до конца. По словам отца архимандрита С., они дальше прочитали Символ веры — и без *filioque*, и разные молитвы. Тем дело и кончилось. Так американцы обязательно воскресный день освещают молитвой и даже в путешествии не оставляют этого правила. Почти все пассажиры участвовали в богослужении, за исключением страдавших от качки, но некоторые и из этих заявили. Пусть это своего рода сектантское собрание; а ведь у нас ничего подобного и в помине нет. Можно сказать, на пароходе была все отборная публика, образованная и с положением в обществе. А у нас подобная им братия ведь стыдится и в праздник-то заглянуть в храм Божий или вообще всюду и перед всеми являться исповедником веры в Бога. Считают отсталостью и достоянием только попов да монахов, да еще простого народа все то, что составляет церковность, да и народу-то стараются внушить так называемые здравые понятия, добиваясь даже того, чтобы вместо храмов Божиих были так называемые народные театры. А оказывается, этот модный свет, на который у нас привыкли смотреть как на учителя и на пример всего просвещенного, опять-таки ушел от нас вперед, а мы со своими передовыми статьями, с последними словами, якобы новейшей, науки остались опять позади. В современном мире, вероятно, никакая иная страна не считается такой либеральной и устрояющейся по началам разума, как Америка, а на деле она-то и оказывается консервативной страной, религию и религиозное воспитание народа ставящей на самом первом месте и для этого не жалеющей и денег, и людей.

Еще давно-давно покойный Грибоедов осмеял старинное русское, тогда еще наивное, рабство перед Западом; и все это знают, и все смеются над осмеиваемыми писателем, а, однако, все еще больше рабствуют перед тем же Западом, да так, что даже и замечать не хотят, как сам Запад идет к нам, разуверившись в себе. На том же самом пароходе, да и потом в Америке, мы видели, с каким интересом сами американцы присматриваются ко всему чисто русскому; наши писатели, характеризующие именно настоящую русскую жизнь, быт и уклад ее, народный дух, выразившийся в одном слове «православные», как называет сам себя наш народ, — писатели, знакомящие с народом нашим, как Достоевский, Тургенев и др., здесь весьма известны и переведены на английский язык; о них и их взглядах здесь толкуют и с серьезным вниманием, и сочувствием; недавний роман Сенкевича «*Quo vadis?*» тоже переведен и нарасхват читается всеми: его мы видели и на пароходе, и на железной дороге, и в нишах книжных магазинов и т. п. Все это именно свидетельствует о том, что этот просвещенный Новый Свет ищет истинного просвещения именно от нас, видя только у нас действительно прочные устои жизни, основывающиеся не на зыбких песчаных бреднях, а на превышемирных началах Божественной истины, возвещенной Христом и глубоко воспринятой нашим народом в самый дух, так что

поистине православие у нас сделалось народной верой, отличительной и главной чертой самого народного характера. Это православие, его духовную силу, превосходящую и исполняющую все, мы и должны всячески раскрывать и возвещать всем, чтобы уподобиться мудрым евангельским слугам, получившим таланты и увеличившим их.

Погода несколько раз менялась с холодной на теплую и обратно; но в общем пасмурно: то туман непроглядный и притом какой-то стеной — начинается и оканчивается вдруг, а не постепенно, то снег, то дождь. Ветер все время не переставал, а только иногда немного утихал в своей силе. Постоянно приходилось гулять по сырой палубе. И сам весь мокрый от дождя или от мелкой водянистой пыли, поднимаемой ветром; все липнет, так как вода соленая. Все пассажиры или лежат, или ходят уныло и скучливо: иных качка донимает, иным погода неприятна и т. п. Качка не щадила почти никого: вот, например, по палубе расхаживает весьма бравый и бодрый американец; сначала он ходил такой веселый, а потом и этого молодца свалило, да так, что он уже потом при самых незначительных волнах все жаловался нам, что тошно ему; подивились мы на него: уж тебе-де и стыдно бы, пожалуй, поддаваться такой мелочи. Что будешь делать? Но замечательно: едва только появились признаки уменьшения качки, как все больные сразу как бы ожили, на лицах засветилась надежда, как у настоящего выздоравливающего больного. Ноября 27-го погода изменилась к лучшему; ночь была лунная, прекрасная, и ветер сравнительно очень утих; утро тоже было прекрасное, солнечное; пароход идет прекрасно. Под влиянием всего этого неволью как-то ожили и мы и весело гуляли по палубе и вечером поздно, и днем. С отцом архимандритом Сергием делимся впечатлениями или воспоминаниями из пережитого, строим разные предположения и планы о новом нам деле в Японии, беседуем о Преосвященном Николае Японском; отец архимандрит С. характеризует мне его личность и характер и дает советы, как с ним жить и работать. Благослови, Боже!

Ноября 28-го. Полдни. Мы торжествуем: в 24 часа 45 мин. пароход прошел самое большее, сколько может, — 510 миль, остается еще 522 мили. Это ход замечательный, почти равный ходу поезда, верст 35 в час. Если Бог даст все благополучно и сегодня, то завтра успеем в Нью-Йорк в 6 час. вечера на поезд в Сан-Франциско. Спасибо капитану, подогнал машину ловко и сильно наверстал недочет прежних дней; при настоящем хорошем ходе этого парохода мы в Нью-Йорке сегодня должны быть; могли бы, значит, многое и там осмотреть. Но это самое *бы* и мешает, поэтому и гадать не стоит. За обедом все с некоторою гордостью посматривали на капитана: вот-де какой у нас хват есть. Между прочим, капитан держит себя просто и нисколько не выделяется из пассажиров даже по месту за столом, а спокойно садится среди них где придется.

Наша публика совсем ожила: даже некоторые слабонервные дамы, все еще не решавшиеся считать себя здоровыми, воспрянули и с бодрым духом появились в столовой. Все радостны, как будто накануне светлого праздника: почуяли пристанище и родной очаг. Только что одолевавшая всех скука и тоска миновала, и началась прежняя веселая жизнь свободных туристов со всеми ее забавами и удовольствиями, какие возможны на пароходе.

Сейчас около 9-ти час. вечера — составляют концерт по особой на пароходе же отпечатанной программе и в нетерпении аплодисментами вызывают из-за кулис на сцену новоиспеченных артистов, почему-то медлящих своим выходом. Задняя стена кают-компания разукрашена флагами. На концерте читали, пели, рассказывали и чувствовали себя очень весело. А в конце одна из участниц концерта, член общества какого-то, обошла всю публику и собирала деньги в пользу сирот матросов; сбор, оказывается, был весьма прекрасный. Как отзывчивы американцы на всякое доброе дело. Нередко в Америке вместо разных театров устраивают чтения о проповеди христианства среди язычников; слушателей собирается полная зала, сбор бывает большой; очевидно, и общество сочувствует тому, что делают всюду рассеянные американские миссионеры и миссионерки в разных видах.

Ноября 29-го. В сутки прошли 506 миль, остается очень мало. В 11 час. дня показался маячный остров, а отсюда будто бы, то есть от времени обозначения острова, — три часа до входа в гавань. У нас от сердца отлегло, да и все воодушевились. Американцы, завидя землю, так и прильнули к борту: как они привязаны к своей стране. Скоро приняли к себе лоцмана, который за проводы и встречу парохода будто бы всякий раз получает 230 долларов. Потом пристали на маленьком пароходике таможенные чиновники. А тут же и почтовый пароходик передал прямо на наш пароход почту для пассажиров: все занялись чтением свежей корреспонденции, уже заранее предвкушая общение со своими близкими. Таможенные чиновники в столовой уселись на разных концах столов, а пассажиры по очереди подходили к ним и, как на духу, рассказывали, что у них в багаже сомнительного для таможни. Чиновники сомнительные вещи обозначали в своих списках и отпускали пассажира. Мы показали свои паспорта, пропуск на мир для Японской Церкви и ушли опять наверх.

Но вот и Нью-Йорк в дымке или просто в дыму. Сначала налево от парохода — статуя свободы; статуя громадная, но в дыму плохо видны ее черты; американцы на нее с каким-то упованием посматривали. А потом и самый город. Это нечто величественное, поразительное и вавилонское: громадные постройки с широкими замашками, здания до 20 и более этажей, но не широки и не продолговаты. Христианские храмы, которых здесь видно довольно много, тоже нечто высшее под небеса, хотя больше своими тонкими шпилями. Общий вид замечательного города весьма напоминает картину «Пир Валтасара», на которой сквозь дым проглядывают громадные вавилонские постройки; и как раз эти постройки напоминают сейчас видимые нью-йоркские постройки. Хотя город и в дыму от множества фабрик и пароходов, шныряющих в гавани, но пассажиры американцы так и впились в него своими глазами. Тут они и нас не забыли: некоторые подходили и объясняли нам разные места и постройки в своем родном городе, стараясь как бы похвастать всем хорошим, что у них есть, и удивить проезжающих. Один любитель постарался исподтишка несколько раз запечатлеть наши физиономии на своей ручной фотографии и, вероятно, не преминет потом пустить карикатурой в какой-нибудь газете, так как мы для них в своем плане некоторое изумление. Пароход входит у пристани в некоторого рода док. Там, конечно, все заполнено встречающими; друг друга узнают, перекликаются, перемигиваются, машут руками, шляпами, а некоторые даже стараются завести разговор с встречающими и, конечно, в поднявшемся ужасном шуме друг друга несколько не понимают. Иногда один не замечает другого, тот долго кричит и машет по его адресу, стараясь всячески выставить свое лицо, и вот наконец добился своего: и встречающий увидел и просиял, как будто весь смысл жизни его заметить приехавшего своего приятеля. А есть и такие, которых никто не встречает. Наконец, пароход окончательно остановился; с пристани сверху сбросили громадные сходни, и все полезли, конечно, наперебой, чтобы поскорее облобызаться с встречающими; там поднялся и писк, и крик, и все прочее.

Пристань представляет из себя громадный сарай, кругом размеченный большими буквами; сначала я недоумевал, что означают эти буквы. А оказывается, по этим буквам носильщики без нас и перетащили багаж, и разложили как следует, так как и на наших вещах приклеены начальные буквы наших имен, а для светских — фамилий. По мере того, как у пассажира багаж был перенесен, чиновник не особенно внимательно осматривал его, справляясь с прежней записью о сомнительных вещах. Только вышло недоумение о святом мире, которое мы постарались запечатать печатью нашего посольства в Афинах, получили оттуда и бумагу официальную на свободный пропуск без вскрытия ящика со святым миром. Но практический янка не удовлетворился этим и непременно хотел распечатать, а на бумаге приписать об этом. Делать нечего, ящик раскрыли, а там оловянный сосуд с миром, и тоже за церковной печатью от Московской синодальной ризницы; отец архимандрит С. объяснил ему, что это печать церковная

и там вещество для церковного употребления освященное и раскрывать мы не имеем права. Вероятно, янка сообразил, что не должно быть в сосуде вещества на большую сумму, а может быть, понял и слова, что вещество, освященное для церковного употребления, и успокоился. Пока я закрывал свой багаж после осмотра, ко мне подошел какой-то американец и что-то мне начал лопотать скоро и много; услышал я, что он меня называет по имени, а себя Куком, и сообразил, что это, значит, агент Кука нас встречает здесь: предупредительно и любезно; он показывает мне и длинную о нас телеграмму, должно быть из Парижа, о том, что мы двое едем в Японию, что нам нужно помочь и т. п. Основательно: даже кабелем послали такую длинную телеграмму. Я при помощи своего скудного запаса английских слов постарался объяснить ему, что нам хочется сегодня же в 6 час. вечера выехать в Сан-Франциско, спрашивал — поспеем ли, так как мы еще не имеем железнодорожных билетов. Он успокоил меня и потом что-то еще мне толковал, спрашивал о какой-то бумаге, я этого никак не мог понять, а отца архимандрита С. пока тут не было, он возился со своим багажом. Каково же было мое удивление, когда в эту трудную минуту подошел ко мне какой-то черный господин и заговорил прекрасно по-русски. Он, вероятно, малоросс по виду, говорит, что вот уже 15 лет, как не разговаривал по-русски, но еще помнит. Но с ним не пришлось долго беседовать: кто он такой и как здесь оказался. Я объяснил ему, а он Куку, что мне нужно; оказывается, Кук спрашивал у меня какого-либо удостоверения, что мы действительно едем под руководством его; но тут подошел отец архимандрит С., и все дело уяснилось как следует. В 4 часа вечера мы были свободны от таможни и проехали в контору Кука, там получили билеты и поехали на вокзал; только когда отец архимандрит С. выходил в контору из кареты, то кто-то свистнул по его адресу. До вокзала пришлось ехать далеко-далеко, да и извозчик вез как настоящая кляча; приехали как раз к поезду, только успели сесть; багаж замечательно быстро приняли и нам выдали моментально медные ярлыки с номерами на вещах.

Виденный нами город чистотою и опрятностью похвалиться не может. Всюду бегает и суетится народ, всюду разъезжают машины и конки электрические, которые здесь и по земле, и над землей на особых высоких помостах, и под землей в туннелях под городом. Кругом все электричество и пар, как будто здесь простой силе и делать ничего не осталось. Внутренней жизни Нью-Йорка так мы и не видали, а здесь, говорят, много интересного в жизни: есть какое-то общество братьев, давших обет монашества в виде испытания на шесть лет, и если выдержат, то навсегда, или наоборот. Есть и другие многочисленные братства и общины с разными чисто нравственными целями. По дороге я видел группу каких-то монашенок, наряд их очень напоминает наших монахинь; это, кажется, тоже сестры какого-то протестантского особого братства. Вот и все, что можно было заметить здесь. Нью-Йорк — это большой Вавилон, как будто гордящийся своей славой и выражающий ее и в своих громоздящихся постройках; все американцы весьма ревнуют о славе и известности своего Отечества, всячески стараются показать его всем посторонним. Как бы не достигнуть ему участи подобного ему гордого древнего Вавилона. Но у американцев при этом весьма высоко стоят и вопросы чисто духовные: говоривший с нами на пароходе, оказывается, читал наших классиков: Достоевского, Толстого, Тургенева и др., да и вообще они там весьма известны и в ходу, равно как нарасхват везде и новый роман Сенкевича «Камо грядеши?».

Здесьняя железная дорога классов не имеет, пассажиры не различаются, всякому дается в вагоне определенное место. Но кроме обычных вагонов есть спальные; на длинное путешествие через всю Америку мы и взяли себе там по месту и заплатили по 20,5 долларов, или около 40 рублей, за место. И спальные места неудобны: трудно взлезть, а если взлезешь, то скоро не слезешь, при этом какой номер отмечен на билете, на том непременно и лежи, хотя бы остальные места и свободны были совсем; поэтому нередко приходится оказываться несколько в

курьезном положении к лежащим в одном отделении сверху или внизу пассажиру или пассажирке. Да и вообще все заграничные железные дороги по удобствам с нашими не могут сравниться, хотя проезд в них и весьма дорог. За 40 рублей у нас проедешь всю Россию в 1-ом классе на отдельном спальном месте в курьерских поездах с буфетами и прочими удобствами; а здесь это только за спальное место, а за вагон-то особая дорогая плата. Половину дороги с нами шел Dining car, то есть буфет и столовая, там 1 доллар роскошный обед; это по ценности американского доллара очень дешево. А потом мы питались или хорошими, но быстрыми обедами на станциях за 75 центов, или разными консервами в маленьком вагонном буфете. Поездная прислуга — негры, очень услужливая. С нами в вагоне ехало очень мало пассажиров. Ночью во всяком селении кругом поезда видно было электричество: очевидно, и в провинции простой силе не осталось места. Локомотивы здесь свистков, кажется, совсем не дают, а вместо этого перед каждой станцией, на станции и после нее долго звонят в колокол, перевертываемый на стержне над паровиком; звон ужасно назойливый и скучный, за душу хватающий, и это на всякой станции, и всякий паровик, а их там без конца бегают постоянно. Рядом идут две линии, а иногда и три, и притом совершенно разных компаний. Конкуренция сильная.

Ноября 30-го в воскресенье в 9 час. вечера приехали в Чикаго, там пересадка на другую железную дорогу; пришлось далеко проехать по городу, но ночью ничего невозможно было разобрать, хотя и горят всюду электрические солнца и лампочки, так как все-таки кругом тень, а в тени все теряется и неизвестное плохо различается; очевидно, что громадные здания разных видов; тоже всюду шныряют железные дороги и электрические конки, и тоже и на земле, и под землей, и над землей; вероятно, и стон и грохот здесь постоянные; да и темно на улицах от этих сплошных мостов для машин. В 10,5 часов оттуда выехали.

Декабря 4-го в четверг в 9 час. 45 мин. утра приехали в Сан-Франциско. Все путешествие от Нью-Йорка до Сан-Франциско, таким образом, равняется 4,5 суткам и 3 часам. Прежде мы как-то просмотрели в указателях, что пароход от Сан-Франциско уходит не в пятницу, а в субботу, и поэтому поторопились. Тогда бы нам можно было остановиться еще на день и в Чикаго. По дороге к Чикаго утром часов в семь поезд нарочно для путешественников минут на пять остановился у водопада Ниагара, бурливо падающего внизу от поезда. Общий вид — нечто захватывающее: вода в разных местах водопада скатывается в пропасть с весьма большой высоты и поднимает сильную водянистую пыль, как будто внизу вода кипит и от нее идет большой пар; еще раньше этого падения вода с ревом и стремительно перебегает и перекачивается на пути через разные камни и пороги и, как бы сердясь на неуместных встречных, разбегается от них в стороны и раздробляется на множество истоков, так что малых водопадов получается несколько; весь разлив реки перед водопадом занимает весьма широкое пространство. Изобретательные янки, конечно, не преминули воспользоваться даровой и громадной силой водопада и эксплуатируют ее весьма разнообразно: кругом и много далее настроены громадные заводы и фабрики, задержанная вода местами бьет вверх причудливыми и величественными фонтанами и т. п. Все это место очень красивое: то долина широкая, то гора, покрытая зеленью и деревьями, вдали виднеются еще более высокие горы, по местам разбросаны фермы, поселки, фабрики, кругом разнообразие и порядок. Самый поезд идет как будто в лесу, растений очень много. До Чикаго вообще природа живая и зеленая; здесь даже очень тепло. А потом стали постепенно подниматься в горы, и природа изменилась. Все пошло наподобие нашей средней России: кругом холмы и пригорки, середина — степь широкая, только, кажется, бесплодная; постепенно начались холода и перешли в настоящую нашу снежную и суровую зиму. Картинки совсем наши родные. Да и вообще природа здесь весьма напоминает нашу Россию: всюду разбросаны села и деревни, и постройки почти такого же рода, как наши, только несомненно чище и достаточные; в селе непременно храм, а иногда и несколько:

очевидно, жители разных сект. И что особенно интересно: все они, конечно, избегают всяких внешних знаков христианства, и поэтому у них никогда не увидишь или редко заметишь величественные победные символы христианства — кресты; только над храмами виднеются какие-то знаки креста в виде высоко выставленных и вертящихся от ветра флюгеров. Не вертятся ли и сами исповедники этого христианства самоизмышленного, как вертятся подобные флюгера от всякого ветра. Да, так оно и есть. Влаясь всяким ветром учения и своих измышлений, понасоздавали протестанты множество сект и сами не знают, как в них разобраться; и секты без конца возникают до самых последних дней. И будут еще больше делиться, являя свою неосновательность, пока их интерес к России и вообще к Востоку не закончится познанием и смиренным принятием истины Православия.

Всюду заметна весьма предприимчивая промышленность: по одному и тому же пути заразително идет несколько линий железных дорог разных компаний; всякая линия, следовательно, сама себя должна зарекомендовать, чтобы оправдать и окупить себя, поэтому здесь, например, быстрота хода поезда больше, чем наших поездов, а несчастий железнодорожных гораздо меньше, хотя уж, если случится такое несчастье, то бывает ужасное. Порядки здесь весьма просты и верны: например, багаж принимают, пока стоит поезд, один навешивает на него медные номера, дубликаты выдает пассажиру, другой же с его же слов выставляет цифры в регистровую книгу, третий тут же уносит в поезд, и все готово в одну секунду; платы за багаж никакой нет до 250 фунтов на билет, но зато в вагон кроме ручной сумки ничего нельзя взять. Почта там принимается почти во всякой лавке и дешево, а оттуда доставляют в почтовое управление; и, однако, при такой простоте почти не случается разных почтовых бед; напротив, иногда почта отыскивает адресата при таких трудностях для этого, когда у нас, пожалуй, письма-то давно бы и след простыл. Американец умеет уделать все основательно, хотя бы это было и очень дорого, ибо знает прекрасно, что дешевое в конце концов выходит самым дорогим; поэтому у него дом весь железный или даже стальной и высокий, так что он один представляет из себя буквально целый город со всем, что нужно для живущих там. Телега — настоящая телега, громадная, так что ее везут четыре лошади, но увезут больше, чем поодиночке, и скорее, так как идут за одну нагрузку и один конец, и поэтому меньше тратится времени; телега здоровая, так что ей, вероятно, и износу не будет; лошадь здоровая, мощная, рослая; все опрятно и в порядке и т. п., хотя и дорого по нашим ценам, но это в конце концов непременно окажется дешевле дешевого.

Однако и американец имеет много дешевого, только он умеет хорошо сообразить, где нужно сделать как можно дешевле, а где не жалеть никаких денег; где безразлично, иметь ли дешевое или дорогое, там и американец скуп; например, для телеграфа безразлично: белые фарфоровые или стеклянные зеленые стаканчики на столбах; но зеленые, конечно, дешевле, и поэтому на телеграфных столбах в Америке всюду только они и видны, и белых совсем нет; но зато чаще встречаются железные столбы при богатстве и леса в Америке: это дороже, но прочнее. Пароход чем больше рейсов сделает на бойком месте, тем больше выгоды, поэтому американец не жалеет и сил и денег, строит быстроходные пароходы, идущие по 20 узлов в час, и жжет массу каменного угля, чтобы не сокращать ходу и тем угодить пассажирам. А для удобств последних опять-таки денег не жалеют, потому что пассажир охотнее поедет, конечно, там, где соблюдают его интересы; значит, и это выгода, хотя бы пришлось на это временно и затратить много. Деньги там, как в коммерческой стране, очень дешевы: доллар размером в наш рубль стоит два рубля; очень мелкой разменной монеты нет; всякий пустяк на наши деньги стоит весьма дорого, таким образом, а на ихние — дешево. Но дикость нравов все-таки поразительная: в поезде ехали китайцы в своем наряде национальном и, конечно, с неизменными косами; и вот всюду за ними толпы зевак ходили и насмешливо смотрели, а

нередко даже снегом бросали, и это не ребята, а взрослые; насмешливо местами посматривали и на нас, но пока до насмешек делом еще не доходило. Так и проглядывают кулачные нравы американцев при всей их цивилизованности, сложившиеся в их жизни исторически. Видна страна грубо-практическая, не познающая ничего иного, если это ей невыгодно, или только бесполезно, или даже просто только смешно.

Проезжали и по стране индейцев, но там их почти и не видно; кое-где в дикой и болотистой степи заметишь шалаш или стадо лошадей, или самого индейца; он весь какой-то пришибленный, волосы висят на лицо, одет отчасти в какое-то европейское рубище и потому кажется еще более смешным и жалким. Коварные американцы всех их отсюда выводят, и от них скоро и следа не останется. И несмотря на это, американцы хвастают своим мирным завоеванием страны. Да это еще хуже оружия: это ведь постоянное истребление нации, как бы вытравление ее, выживание всякими средствами. Отняли у индейцев лучшие пастбища, самое насущное достояние индейца, лишили лучшей рыбной ловли и т. п., прогнали их в дикую и бесплодную степь; поневоле индейцы вымирают и уничтожаются. А неграми янки, кажется, и теперь потихоньку торгуют у себя в стране.

Вся дорога до Сан-Франциско есть подъем на Кордильеры и спуск с них; местами поднимались на высоту 7 тысяч футов: порядочно. Однако поезд идет быстро. Один раз наш поезд со многими другими поездами перевезли через широкую реку. А в другом месте, говорят, вместо того, чтобы перевозить поезд на пароходе, устроили туннель под рекой.

Декабря 4-го в четверг утром в 9 час. 45 мин. пристали к Сан-Франциско. Около пристани стояли какие-то в форменных картузах и что-то кричали, к чему-то нас приглашая; мы предположили, что это обычные агенты от разных гостиниц или туристических контор и прошли мимо их, а, оказывается, это извозчики предлагали свои услуги; на улицах не оказалось ни одного извозчика, да их здесь и нет, кроме как в особых конторах, так что нужно заранее заказывать себе экипаж. Да они здесь и не нужны на самом-то деле: всюду электрическая конка постоянно бегаёт и в гору, и с горы. Пришлось с планом города в руках тащиться пешком, неся ящик со святым миром, две коробки и зонтик, да еще в длинных драповых рясах чуть не на летней погоде, постоянно озираясь кругом и посматривая на угол улицы или номер дома. И нужно сказать, на нас не особенно дико и насмешливо здесь смотрели, хотя в другом месте не преминули бы осмеять нас или по крайней мере позевать на нас, как на интересных иностранцев; может быть, впрочем, все были заняты делами или торопились на дела, так как час был самый бойкий в этом отношении. Напротив, один любезный американец, очевидно, догадался, что мы нуждаемся в указании, и спросил, чего мы ищем? Мы по дороге решили зайти в контору пароходной компании по Великому Океану — купить билет. Американец любезно провел нас в эту самую контору, до которой мы немного не дошли. Очень услужливо и предупредительно. Получили мы билеты и опять пошли по горам, на которых раскинут город. Здания все деревянные, так как после недавнего страшного землетрясения, наделавшего много беды, боятся строить высокие каменные постройки, и только теперь начинают воздвигать железные или стальные громады; все окрашено в краску серого цвета, так как светлое марко от постоянного здесь фабричного дыма и пыли. Хотя конки здесь постоянно пробегают, но мы решили сесть на вагон, только когда оказались на улице, прямо ведущей на Powell Street, на которой наша русская православная церковь, где живет Преосвященный Николай Алеутский и Аляскинский, к которому мы и направлялись.

Преосвященный встретил нас весьма радушно и обрадовался нашему приходу. Да ведь и не удивительно: здесь он почти один; может быть, иногда и побеседовать от души бывает не с кем среди совсем чужих людей. Он тотчас же распорядился и послал на пристань за нашими вещами, а сам быстро повел нас по своей миссии, живо разговаривая с нами, как бы радуясь

случаю наговориться с удовольствием. Архиерейский дом небольшой: наверху три небольших комнатки для владыки, там же несколько комнат для одиноких членов миссии — монахов, псаломщиков и для прислуги; внизу — приемная и общая столовая, там же и комната правления миссии; все очень небольших размеров. А другая половина здания — церковь, построенная прежде бывшим здесь Преосвященным Владимиром, ныне Оренбургским. Иконостас какой-то стрельчатый, мелкий, в каком-то китайском вкусе; все красно и пестро. Стены вверху расписаны разными картинами двенадцатых и других праздников или святых, но почему-то не в порядке, а попеременно, а в одном месте зачем-то написан собор Василия Блаженного в Москве, а рядом святой Георгий Победоносец с двуглавым русским орлом под ним. Живопись очень хорошая. На хорах видны две фигуры херувимов; прежде они стояли в алтаре у престола. Стекла в некоторых окнах разноцветные с разными церковными изображениями, а прежде даже и все окна были таковы, почему в храме был таинственный полумрак. Церковь небольшая, весьма чистая.

Преосвященный Николай все время с нами разговаривал и много порассказал из здешней жизни и церковной, и американской вообще. С сердечною болью поведал он, как ему отказали в отпуске денег на Аляскинскую школу в память митрополита Иннокентия. А между тем средства нужны: там нет ни семинарии, ничего подобного, а без местных образованных деятелей для Церкви дело трудно может развиваться вперед; тем более теперь нужда там в деятелях, что открываются отовсюду разные запросы, которые непременно нужно удовлетворить: от унии присоединяются целые приходы; значит, можно бы это дело и еще расширить, если бы были деятели, способные к тому, из местных сил. Трудно миссии и от самих американцев с их коммерческими стремлениями. На все они налагают громадную пошлину, да еще норовят как-нибудь устроить это со штрафом за что-либо; постоянно приходится обращаться или к президенту, или к конгрессу, и только после ходатайств разных инстанций, как бы из милости, сделают уступку, которая, однако, все-таки весьма полезна миссии при ее скудости в средствах. А пошлина громадная; например, с Нижегородской выставки Государь Император пожертвовал для миссии два колокола в одну из американских церквей, а за них требуют пошлины более 900 долларов, то есть около 2000 руб. А денег нет. И янки весьма изобретательны в своих доходах; например, церковные вещи по их таможенным законам могут быть свободными от пошлины; получена была дароносица, — пришлось таможенных чиновников привести в алтарь и объяснить, что, действительно, полученная вещь — дароносица и употребляется только в храме, да еще на престоле; и тогда не поверили, а сочли ее за какие-то лампочки и взяли-таки пошлину. А над бедными калошами и другими православными янки положительно издеваются: заставляют их работать самым упорным трудом с 5 час. утра до 10 час. вечера и даже по воскресеньям тащат на работу, хотя воскресенье — обязательный отдых по всей Америке; такой случай был даже при самом Преосвященном Николае, когда из-за службы несчастных погнали на работу. И бедные должны идти, чтобы не остаться без куска хлеба. И тут приходится ходатайствовать перед упрямыми янками, которые, конечно, с трудом верят таким проделкам своих братьев.

А католики, исконные враги православия, тоже не зевают. В одном поселке русины застроили церковь, да денег не хватило на достройку; они и заложили ее на время одному богачу и, кажется, даже жиду; католики сообразили удобный случай и решили непременно приобрести этот вексель, чтобы таким образом православный храм был в их руках; и они в этом совсем было успели, так что только после немалых проволочек удалось освободить храм из их рук: православные бедные русины позаложили последние свои прибитки и заплатили-таки за церковь, чтобы не быть во власти и посмеянии у католиков. Мало того, католики даже толпу стараются вооружить против православных. В одном приходе, недавно присоединившемся от унии, они подкупили праздношатающихся, и те напали было на Преосвященного Николая, когда

он направлялся от повозки в церковь служить литургию; тут подавали было ему какую-то бумагу, но он отказался принять ее, так как теперь не время; в толпе какой-то шум стоял, все волновались, а это, оказывается, и готовилось нападение. Но православные это знали и заранее плотно оцепили дорогу, по которой владыка проходил. А после, когда владыка был уже в церкви, на улице, оказывается, поднялась настоящая рукопашная, и дело окончилось не совсем без крови. В другом месте толпа напала на наших миссионерских священников, одетых в обыкновенное платье наше духовное; они там были с требами церковными; толпа напала и едва их не разорвала; и все это по проискам католиков. А тут еще ан-гликане ухищряются всячески оправдать свою иерархию как каноническую и всеми силами ищут единения с православными; они, например, заывают Преосвященного Николая к себе на торжественное богослужение и устраивают так, чтобы он причастился с ихним епископом, чтобы потом провозгласить это в свою пользу; являются и сами с той же целью, чтобы причаститься в нашем храме, но Преосвященный все это заблаговременно отклоняет.

У православных русин, калош и других, кроме славян, благочестия очень много, и благочестия самого непосредственного, живого, при всей бедности и зависимости от американских кулаков просвещенных; а славяне, по словам владыки, пропавшая драхма: им или на все наплевать, или же идут в масонство, и повлиять на них никак нельзя. Преосвященный Николай писал к покойному Сербскому митрополиту Михаилу, чтобы он повлиял на своих сородичей в этом смысле; к сожалению, и митрополит ответил на это, что и у них в Сербии молодые люди идут в масонство. При нас было погребение одного серба; так как все американцы непременно записаны в погребальные братства и под условием штрафа обязательно должны быть на погребении своего братчика, то и сюда собрались все сербы. По виду это совершенные прощельги, которым все равно; ни один, кроме самых близких родственников, не перекрестился и не воздал последнего целования умершему. Здесь сербы почти ничем не занимаются, а в церковь пришли такими франтами и важными особами, что и не подступайся. Как везде, и здесь они же напутали и в приходской жизни: они ушли со своего православного кладбища на католическое, и из этого возникла целая история. Так, разные беды у владыки. Но вот какую отрадную вещь он поведал нам; американцы теперь православием интересуются и присматриваются к нему; нередки и совопросники об этом перед владыкой. Между прочим, одна мисс (фамилию забыл), очень интересующаяся православием, взяла на себя труд перевести на английский язык почти весь круг богослужебных книг наших; эта феноменальная женщина самоотверженно предалась изучению трудного языка русского и еще более трудного славянского и достигла блестящих результатов: по-русски говорит как русская, по-славянски понимает вполне, устав церковный и все относящееся к богослужению изучила превосходно. Она перевела какую-то часть богослужения и через Преосвященного Николая представила в Святейший Синод на рассмотрение: нам, говорит, американцам, интересно иметь в руках книгу, чтобы понимать весь ход вашего православного богослужения. К сожалению, нашли перевод неправильным, так как автор его не знает греческого подлинника. Преосвященный Николай посоветовал ей заняться изучением и греческого языка; она стала учиться и теперь уже прекрасно объясняется по-гречески; и снова принялась за перевод, чтобы, сверивши с греческим подлинником, исправить прежний перевод свой. Дай Бог, чтобы ее дело удалось: это может весьма много помочь единению протестантов с православием. Ведь наше богослужение поистине есть самая восторженная и возвышенная беседа Церкви с Богом; тут самая жизнь Церкви раскрывается как нельзя более ясно и возвышенно.

Америка — страна новая, без всяких старых традиций, и потому здесь всего можно вдоволь встретить — и хорошего и худого; на открывающиеся запросы жизнь сама бьет ключом. Здесь, например, действительно дикость нравов при всей цивилизованности американцев, что видно

уже и из предыдущего; здесь ужасный практицизм и долларизм, почему даже герб Калифорнии — орел с двумя большими золотинками в когтях; здесь семейной жизни совсем почти нет и всяк живет свободно сам по себе, разводы постоянные; а общественная школа для девочек и мальчиков — общая, действует весьма развращающе; здесь полное религиозное безразличие к разным исповеданиям и верованиям и т. п. Но зато много самого горячего и высокого идеализма. Знающих русский язык мы встретили здесь, и в Нью-Йорке, и в поезде, и в Сан-Франциско, и всюду, а это показывает живую предприимчивость и любознательность американцев. Инициатива у них самая живая: быстро устроили импровизированный концерт на пароходе и собрали массу денег в пользу несчастных. Преосвященный Николай раз как-то побеседовал о том, что мелкая американская пресса весьма развращает детей; и вот вдруг в одно прекрасное время дамы составили бумагу за тысячью подписей о том, чтобы обуздать печать, и представили эту бумагу на благословение к Преосвященному Николаю, а потом к другим епископам. И вообще всякое доброе дело у них весьма скоро находит живой отклик в обществе. На распространение христианства они не жалеют денег, и миссионеры по всему свету разбрелись. Есть разные общества с разными благотворительными, просветительными и другими благими целями. Есть братство молодых людей, заботящихся о воспитании молодого поколения в любви к христианскому учению. И члены этого братства оставляют все и идут со своею миссией на край света. Так целый день и пробеседовали с владыкой.

Декабря 5-го немного походили и поездили по городу: на нас засматривались, но не совсем дико и никаких дикостей и насмешек не допускали; да ведь обычно Преосвященный Николай здесь тоже ходит по городу в рясе. Были в павильоне, висящем над морем, отсюда можно смотреть на морских котиков, из-за которых так спорят державы. Я их представлял маленькими, а, оказывается, они с самую большую собаку и даже больше того: длинные, жирные, черные и сырые, вместо ног какие-то плавники-щупальцы, так что котик, влезая на скалу, цепляется ими; голова кошачья, клыки здоровые, так что с таким зверем, вероятно, трудно иметь дело в его области — в воде; они выбрались на каменную скалу и врастажку лежат или ползают, а некоторые играют между собою, в воду бросаются издали, кричат весьма жалобно, как будто им страшно тяжело от какой боли. Не очень симпатичные звери. Они большим стадом тут плавают или лежат на скале. Их здесь не бьют, а сохраняют как забаву для публики. Вечером служили бдение: Преосвященный, отец архимандрит С., я и два священника миссии; диакона совсем нет за недостатком средств. За литургией ектении говорили все по очереди — по-славянски, по-гречески и по-английски; Евангелие владыка прочитал по-славянски, отец архимандрит С. — по-гречески и отец С., миссионер, — по-английски; апостол — по-славянски и гречески. Народу на Николин день набралось порядочно, так как было тезоименитство Государя Императора. На великом входе владыка поминал и Преосвященного Николая Японского, которого назвал Японским архиепископом; поминал его и вообще на ектениях и даже на многолетии, на котором прибавил и нас — «его сотрудников». После литургии у владыки набралось множество гостей поздравителей. Но они скоро ушли, и мы второпях наскоро пообедали, так как пароход уходил в 1 час дня в Йокохаму. Преосвященный надавал нам разных богослужебных книг, переведенных на английский язык, а кроме того Доктрину Православной Церкви и свои проповеди, пожелал нам всякого блага и задушевно проводил нас. Вообще он весьма задушевно принял нас и отнесся к нам весьма сердечно и внимательно, чисто потечески.

Весьма мы рады, что и причаститься Бог привел нам в дороге, ведь мы литургии уже не служили от 11 ноября, от дня выезда из Афин.

Путь от Америки до Японии

Провожаемые любезными молодыми членами миссии, мы отправились на пароход. Наш пароход «Citu o Peking» далеко не большой, сравнительно с прежним пароходом до Америки; он имеет немного кают для чистой публики и палубу для остальных пассажиров; содержится, как видно, бедно и не совсем опрятно; прислуга и матросы все китайцы с косами; из всей прислуги только один японец одет по-европейски и, должно быть, считается чем-то вроде начальства над остальными. Ход парохода далеко не быстрый: в первые сутки прошли 394 мили, во вторые — 331, в третьи — 327, в четвертые — 327; до Гонолулу — 2089 миль, там остановка, а оттуда до Японии 3399 или по другому пути 3445 миль. В Гонолулу придем как раз на Рождество Христово по новому стилю; но весьма сомнительно, чтобы на свое Рождество Христово мы попали в Токио.

С вечера декабря 6-го поднялась вдруг большая качка, в то время как мы были на палубе и, пользуясь тишиной и отсутствием публики, отправляли там всенощное бдение под воскресный день. Пришлось прекратить службу, спуститься в каюту, лечь на койку. В каюте все летало и каталось из угла в угол, того и гляди слетишь с койки; пришлось пострадать опять несколько дней, не пивши, не евши, кроме самой малости овсянки, которая будто бы помогает в такое время, и кисловатых апельсинов. Да так все время до Гонолулу погода была переменчивая: то утихнет, то опять закружит и закачает. В воздухе весьма тепло, как у нас летом, но не удушливо и не жарко; теперь мы уже, вероятно, под 28 градусом, а спустимся у Гонолулу до 20 градуса.

Декабря 11-го прошли 320 миль. Погода прекрасная, в полдень даже немного жарко становится, потому что спускаемся все ниже и ниже. В 3,5 часа дня недалеко от парохода видели громадного кита, только он мало выходил наружу, а потом, заметив наш пароход, скоро и совсем скрылся. Часов в 5 вечера капитан вдруг дал тревожный звон в часовой колокол, а потом пароход тревожно и жалобно засвистел. Вся команда побежала к своим местам: кто схватил топор, кто забрался в шлюпку и т. п., кто забрал кишку пожарной трубы и принялся поливать из нее на мокрое море; это была ложная тревога. Скоро все утихло, и капитан важно и посмеиваясь расхаживал среди пассажиров: вот-де все-таки и забава среди безлюдного океана. Вечером залюбовались прекрасной картиной заката южного тропического солнца: чудная игра сменяющихся нежных многочисленных цветов, чудесная и причудливая смена картин на небе и в облаках, приятный голубой отсвет морской воды — все это действительно настоящее упоительное и умиряющее душу заглядение. Недаром святые подвижники, строгие к себе до ригоризма, однако большею частью поселялись в местах хотя и пустынных, но красивых: сама окружающая природа содействовала им постоянно возноситься мыслию к невидимому Богу и, созерцая красоту природы, познавать всемогущество Творца.

Капитан обещает быть в Гонолулу в 3 часа дня в субботу 13-го декабря, где придется забрать каменного угля до Японии. А так как по случаю Рождества Христова работать не будут, то, говорит, вероятно, придется простоять дня два. Притом угрожает, что там ни днем ни ночью не будет покоя от комаров. Печально. Значит, мы на свое Рождество Христово в Токио не поспеем.

Оказывается, наш пароход в чистой его половине почти и везет одних только миссионеров в разных их видах. Старичок, Mr. Taylor, едет в Китай; по исповеданию он методист, а может быть, и иной секты. Сорок лет уже он пробыл миссионером в Китае, и он именно начал там самое миссионерское дело; о нем говорят как о человеке сильной веры, ею только и руководящемся. Он уже довольно сед стал на своем трудном деле; росту низкого, лицо весьма спокойное, видно, что человек поработал душевно очень много и достиг уравновешенности

сердечной; глаза вдумчивые и пристальные; ходит он в длинном старомодном сюртуке и черной шляпе круглой; роскоши никакой ни в чем не заметно. Оказывается, и теперь он же заведует всеми протестантскими миссионерами в Китае, управляя даже епископами: все дело, как им созданное, и теперь в его опытных руках. С ним едет какая-то старушка, должно быть жена, лицо постоянно какое-то слащавое, как будто ходит и мечтает перед Богом, по привычке сектантов. Около них еще такая же старушка, только еще слащавее, как будто блаженная улыбка застыла у нее на устах, и так ей, должно быть, приятно. С ними же пожилая девица, строгого, должно быть, характера, судя по лицу, но строгого к себе; взгляд весьма энергичный и самостоятельный. И еще довольно молодая девица, — оказывается, доктор-хирург. Это все в разных видах миссионерки, сотрудники Mr. Taylor'a; все они едут в Китай и там в разных местах и на разных служениях будут трудиться в деле распространения христианства и помощи язычникам. К этой же партии принадлежит чета молодых: мужа и жены; муж, кажется, едет учителем куда-то и тоже причастен к миссионерскому делу.

Еще едет молодой человек, студент — член общества молодых людей для воспитания современного молодого поколения человечества в христианских истинах. Очень симпатичный юноша. Он едет в Японию и там будет учителем в одной школе этого общества для японцев. Прочитали мы устав их союза и несколько книжек их журнала, весьма роскошно и содержательно издающегося. Первое условие для всякого, вступающего в их общество, — признание себя евангельским христианином и обещание насаждать и в себе и в других чистоту и святость нравов. Из списка членов видно, что их уже много в разных государствах. В журнале прочитали речь одного почетного секретаря их союза, который говорит: «Союз молодых людей с самыми чистыми и идеальными стремлениями все растет и растет быстро; всюду студенты присоединяются к нему в разных странах, объявляя себя прежде всего евангельскими христианами, и расходятся в разные страны или учителями, преследуя при этом цели своего союза, или миссионерами к язычникам». Нужно сказать, что среди современного безверного века, воспитавшегося на позитивизме и дарвинизме, одно уже открытое объявление себя христианином, да еще евангельским, есть некоторого рода подвиг, исповедничество, требующее сильного духа и энергии убежденного человека.

Как видно, с нами едет компания довольно светлых людей. С ними еще один молодой китаец, только что окончивший курс в Америке и теперь возвращающийся на родину, чтобы служить делу миссии. Они все время проводят почти вместе, ежедневно устраивают библейские собрания, на которых читают Библию и объясняют ее сообща. Руководителем, конечно, является Mr. Taylor со своей довольно истертой Библией; перед ним масса каких-то рукописей, уложенных в большой ящик, разделенный на несколько мелких отделений, должно быть по содержанию самых тетрадок; это, вероятно, его записки на Библию. В остальное время они почти постоянно читают Новый Завет или Псалтирь, но уже всяк самостоятельно. Читают и иного рода книги, но без дела не остаются. По временам разговаривают с китайцем, бывшим консулом в Сан-Франциско и теперь возвращающимся в Шанхай; с ним они объясняются по-китайски, конечно.

Вот какую ревность проявляют иноверы к распространению своего учения между неверными. На это у них и деньги, и люди находятся в изобилии, и люди все воодушевленные своим делом. К сожалению, как все они мало знают Православие. Нас удивил своим замечанием относительно восточной Церкви вышеупомянутый студент: кажется, говорит, греческая Церковь отделилась от римской в IV веке? Очевидно, сразу записал нас еретиками несторианами или монофизитами. А потом прямо сказал, что о греческой Церкви он ничего не знает. Вот и удивляйтесь после этого перед европейской и американской ученостью, если там только вышедшие из университетов таких простых вещей и не слыхивали. Очевидно, для них только и

свету в окне, что папа да Лютер со всеми их разветвлениями и распадами, причем протестантство, несомненно, для них самое-то истинное христианство и есть, ибо ни на чем ином не основывается кроме самого Евангелия. У нас ведь самый последний семинарист подробно знает о всяких ихних квакерах и шведенборгианах и т. п. сектах. Пора нам отбросить это рабство и пресмыкательство перед Западом; мы обладаем несравненным с ним богатством. Только приложить старание к разработке своего собственного богатства. В самом деле: что может на Западе сравниться со всем нашим церковным учением? Ведь это не мечтания какие-либо большею частью прельщенных мечтателей, однако своим воодушевлением стягивавших к себе многих последователей. Наше Православие — самый опыт христианской жизни; его уяснили действительно вместившие его в себе святые отцы и учителя Церкви, о которых Запад и слышать не хочет. А вся масса богослужебных песнопений и молитвословий, а также весь уклад церковной жизни, и богослужебной и бытовой, — да ведь это поистине, на деле раскрытие того, что дано в словах Христовых. Уж если Запад и Америка удивляются и внимают тому, что пишут наши народники о русском быте и мирозерцании народном, если их там принимают как некоторых пророков и провозвестников настоящего пути и уклада жизни, то что сказать о всем вышеупомянутом, истинно церковном? Тогда бы действительно инославие узнало наше Православие и его истинную силу. А теперь видит только свои же собственные измышления, только в нашей переделке на православной почве, и, следовательно, ничего не видит у нас кроме себя же самого.

Кроме всех этих миссионеров с нами едут три купчика, но образованные, как и подобает всем заграничным, да еще две какие-то дамы. Вот и вся наша кают-компания.

Канун Рождества Христова по новому стилю. Праздник начали прекрасным обедом с разными к нему сверх обычая добавлениями и забавами. Все наши спутники чувствовали себя прекрасно, по-праздничному; даже и мы с ними заодно как будто переживали заранее хоть отчасти свой праздник, который едва ли придется встречать по-церковному. К сожалению, мы не заметили, чтобы пассажиры были особенно благочестиво настроены: никакого богослужения не было; может быть, миссионеры там где-нибудь у себя в каюте и устраивали его, но публично никакой молитвы не было.

Во 2-ом часу ночи пристали к Гонолулу, когда мы давно уже спали. Но вверху наша команда подняла с канатами и т. п. такую возню и крик, что поневоле пришлось проснуться. Они вообще всякую работу сообща исполняют непременно с криком и гамом, должно быть изображая этим своего рода «дубинушку». А вчера некоторые из них залезли во время хода на самый верх мачт для заготовки флачных бечевки; не мало все мы пассажиры внимали этому их риску и удивлялись той быстроте и ловкости, с которой они взбирались на самый верх уже без всякой лестницы и спокойно перебирались там с веревки на веревку, как будто на ровной плоскости.

Декабря 13-го утром я прежде всего поспешил наверх полюбоваться на Гонолулу; но высокий навес пристани все закрыл, и города видно очень мало. Климат тропический (210° широты), прекрасный, мягкий; особенно приятно было дышать чистым утренним воздухом; за городом тотчас же начинаются высокие горы, сплошь покрытые зеленью всякого рода; приятный вид они имеют с переливающимися на солнце мягкими разнообразными колерами: так и хотелось бы забраться туда да погулять среди этой прелести. Горы тянутся не одним хребтом, а постоянно разделяющимися отдельными высокими холмами, то уходящими вглубь и висящими над остальными, то спускающимися в долину и как бы ютящимися среди остальных громад. На острове есть многочисленные вулканы, а по местам множество лавы от прежних страшных извержений. Это нам передавал англичанин, ходивший днем туда далеко в горы. В городе видны целые пальмовые сады; говорят, есть замечательные высокие пальмы, будто бы в 100 футов высоты. Вообще заметна богатейшая растительность; на пароход приносили замечательно

вкусные ананасы с хорошую дыню величиной. К сожалению, с 8-ми часов началась сильная припекающая жара, так что мы в своих черных подрясниках не решились и сходить в город; а интересно бы поближе посмотреть на него. В городе виднеется несколько церквей, вероятно протестантских. Вот и туда интересно бы проникнуть, особенно сегодня интересно бы попасть на богослужение ради праздника.

Говорят, на всех Гавайских островах республики жителей до 100 000 — и малайцев, и европейцев, и американцев, и японцев с китайцами. Теперь будто бы японцы намериваются захватить эти острова себе; поэтому гонолульцы сами спешат присоединиться к Североамериканским штатам. Малайцы (австралийцы) приходили на пароход; довольно прилично одеты; кажется, народ добродушный и не дичащийся, на нас они смотрели даже менее любопытно-дико, чем американцы. Время здесь, должно быть, дешево, и работа не спорится; вопреки ожиданиям капитана, уголь нагружают; но целый вот уже день множество подвод и людей возятся с этим делом и нагружают до 500 тонн (по 60 пуд.) угля. Ужасно долго и мешкотно работают люди всяких народностей и во всяких одеяниях. Капитан, однако, обещает в 12 час. ночи сегодня выйти отсюда. С 3 час. дня полил дождь и долго не переставал, а потом перешел в изморось. Хотя и прохладно сделалось, но по грязи шляться тоже неинтересно; так мы и просидели на пароходе. Комаров не видали почти совсем — может быть, потому, что после дождя сделалось сравнительно прохладно.

В гавани стоят военные американские громадный крейсер и большая броненосная лодка. Кроме них — множество торговых пароходов и кораблей. Гавань очень просторная и, вероятно, тихая, потому что защищена горами, выдвигающимися в море. Все суда были украшены по-праздничному сплошь флачными гирляндами. В общем очень красивый вид. Военные суда открыли гонку на лодках дважды, для чего, конечно, снарядили самых лучших гребцов; расстояние для гонки весьма большое; гребцы работали из всех сил, но с разным умением: гребцы с крейсера все как-то вразбивку, не дружно, тогда как гребцы с лодки работали не торопясь и согласно, как бы по команде взмахивая веслами. После них перегонялись на плотках кочегары, работавшие вместо весел своими угольными лопатами. И в том и в другом случае победа осталась на стороне лодки, хотя на крейсере и сам адмирал, так как развевался его флаг. Во время состязания все матросы взобрались на самый верх мачт и с чаянием посматривали на состязателей, поднимали вслед и навстречу им страшные крики, махали им и руками, и платками, и шапками, как бы желая тем помочь своим матросам; а пароходы в это время ужасно ревели своими свистками, а крейсер даже так называемой сиреной, ужасно пронзительной и занывающей отчаянно. Во все время спора стоял кругом страшный крик и шум. На набережной, на соседних пароходах и на нашем собрались зрители, а некоторые даже на лодках плавали за состязавшимися, чтобы ближе видеть успех одних и неуспех других. И то забава среди однообразия, да в праздник все-таки и повеселились порядочно. Итак, мы попали в тропики, и даже к австралийцам.

Молодой студент, ехавший в Японию учителем, встретился в Гонолулу с друзьями и остался там до следующего парохода. Но вместо него появился новый пассажир, английский священник Verdy Louis, три года бывший в Гонолулу, а теперь на три месяца в отпуске до Лондона, с остановкой на месяц в Китае; предполагает, что его в Китай и пошлют. Он производит впечатление молодого, горячего студентика, увлекающегося ролью общественного деятеля и немножко рисующегося ею, что он особенно показал в совершении богослужения. С его появлением жизнь пассажиров приняла несколько церковный характер.

Декабря 14-го в воскресенье утром в 10 час. устроили богослужение в верхней небольшой кают-компании. Священник имел на себе при богослужении длинный подрясник, а сверху белую ризу, как наша ряса, с широкими рукавами: она короче подрясника, на спину спускается

белый меховой мешок, как башлык, а через шею на грудь спускаются две черные узкие полосы материи — епитрахиль. Он стоял или сидел на кресле перед столом, а богомольцы сидели на скамейках по сторонам; у всех было по две книжки — гимны и молитвы; их пели и читали под аккомпанемент рояли, вообще так же, как и на прежнем пароходе. Некоторые молитвы читал сам священник и в это время для выражения благоговения закрывал глаза или же возводил их вверх. В общем их богослужение производит впечатление какого-то искусственного воодушевления. Похоже оно на сходки молодых людей, искусственно воодушевляющихся на какое-то общественное и чуть ли не общечеловеческое дело, без всякой солидной подкладки, и кричащих: надо читать, толковать, в народ идти, разгонять мрак невежества и т. п. И сами они чувствуют, что что-то неладно, а приятно самое увлечение и обособление. Но так как нет силы высшей этого личного увлечения, то скоро ли долго ли община и распадается на мелочи или и совсем исчезает в пустоте. Так и в протестантском богослужении именно незаметно настоящей молитвы, настоящего возношения духа к Богу, действительно беседы с Богом. Войдите в наш православный храм, особенно в настоящей русской среде: там всякий христианин действительно в храме стоит как в месте особенном, в месте нарочитого обитания Бога, и действительно все его лицо говорит, что он свою душу старается или уже возносит Богу, Ему исповедуя свои думы и моления, от Него прося и ожидая себе милости по Его суду и устроению. Там все говорит именно о совершенно иной и возвышенной, не мечтательной жизни. Здесь, напротив, все именно свидетельствует о том, что и богослужение нисколько не возвысилось над жизнью, что и оно есть самая обычная жизнь, искусственно выделяемая из нее. И на лицах молящихся здесь поэтому не прочтете того высокого молитвенного настроения, каким богато наше православное собрание церковное. Они, напротив, совершенно как обычно читают и поют гимны и молитвы, как простые умные вещи. И в действиях незаметно ничего молитвенного. Вот, например, они, когда священник читал закрывши глаза молитву, все спустились со скамеек и, преклонившись на одно колено, облокотившись на скамейку, закрывши глаза, что-то стараются сообразить пред Богом, может быть грехи свои; но и тут на лицах никакого действительного стояния пред Богом или сокрушения, а просто какое-то головное напряжение — подумать о Боге, так как нужно это для молитвы и в молитве. Как на первом пароходе, так и здесь в этом отношении одинаковое впечатление от протестантского богослужения: оно не богослужение, а только правило для освящения воскресного покоя и имеет серьезный отпечаток не церковного собрания, а сектантского, хотя по видимости благоговейного, но в сущности совершенно холодного собрания. Кстати, как ни противны им все внешние действия и знаки, а ведь не обходятся без них и в облачении, и в молитвенных обрядах, только не принимают самого естественного знака — креста. В конце богослужения священник говорил поучение в продолжение 15 минут; говорил о том, что нам не нужно жалеть своих сил для дела Божия, если Бог Сына Своего Единородного не пощадил; указывал и на пример св. Стефана архидиакона первомученика. Вот и все протестантское богослужение, разве может быть какое-либо сравнение с нашим Православным богослужением?

Священник скоро с нами познакомился и многое порассказал и о себе, и о всем их миссионерском деле. Оказывается, он был в числе первых возбудителей того студенческого миссионерского движения на Западе, о котором, между прочим, в прошлом 1897 году была подробная статья в «Православном Собеседнике» (Пр. Соб. 1897 г., январь). Они поставили себе целью проповедовать Христа в продолжение настоящего поколения, то есть в продолжение лет 30—40, чтобы потом христианство уже сделалось достоянием народов путем предания от отцов к детям — к следующему поколению. Теперь число присоединившихся к этому движению громадное, и все они действительно разошлись по разным странам и народам, так что почти у всякого народа непременно есть миссионеры их общества. Способы их миссии разнообразны;

например, в Центральной Африке они начинают дело с обучения английской грамоте: первое отделение — азбука, второе — чтение Евангелия; а потом, если кто пожелает креститься, то читает послание апостола Павла к римлянам и изучает катехизис. Они имеют при таком ведении дела то в виду, что так человек сам придет постепенно к Евангелию. Там у них до 40 тысяч первого и второго отделений и до 4 тысяч оглашенных. Это по отчету за 1896—97 гг. Церковного миссионерского общества, который мы у него взяли для прочтения. Из отчета видно, что учителя у них получают от миссионерского общества только рублей по 18 в год, а главным образом содержатся за счет туземцев, и это у них поставлено за главное и первое правило. Замечательно откровенно написан весь отчет, весьма большой том убористой печати, прекрасно изданный: нет в нем обычного в таких случаях представления всего в лучшем виде; напротив, очевидно, все описано так, как есть; недостатки и неудачи не скрываются, а, напротив, с сожалением выставляются. Их, миссионеров, нередко гонят и отталкивают, но они не унывают, а терпеливо переносят и выжидают лучших условий; и так дело с маленького восходит до большого. Теперь Япония почти вся заполнена протестантскими миссионерами.

Подобное же богослужение утром было и в следующее воскресенье. Проповедь говорил сам старичок Mr. Taylor. Он выразил благожелание на наступающий новый год, так как вчера был ихний новый год. Сам он читал, как псаломщик, положенные псалмы и чтения из Библии, не считая для себя низким исправлять это дело, как поступают некие ученые богословы. Вечером в каюте у них было communion, то есть причастие. Быть на нем и мы испросили себе позволение, на что они с величайшим удовольствием согласились. Священник ходил до вечера весьма радостный, с высоким настроением, должно быть радуясь, что многие пожелали причаститься. В каюте на подносе, покрытом скатертью, были заготовлены дары: на маленьком дискосе обыкновенный столовый хлеб, разрезанный на мелкие кусочки, а в маленькой серебряной чаше — вино. Сначала пропели гимн, причем священник, стоя в своем облачении, достал какой-то инструмент, похожий на гармонику, положил его на колено и начал наигрывать, аккомпанируя певчим; буквально, как русские мужики наигрывают на гармонике, поставивши ее на колено. И зачем это непременно музыка: без нее прекрасно запели гимн, а гармоника только портила дело, потому что священник не мог играть как следует. Потом читали псалмы. Затем священник прочитал совершительные молитвы: в самом главном месте, держа руку над дарами, молился, чтобы им достойно причаститься Тела и Крови Христовых; значит, пресуществления нет, а только воспоминание учреждения Таинства. Потом он взял дискос и, произнося слова причащения, хотел было нас причастить, сначала отца архимандрита Сергия, как ближе к нему сидящего. Мы, конечно, отказались, чего он, по-видимому, не ожидал: он, может быть, потому и радостный ходил целый день, что наше желание присутствовать при их communion'e принял за намерение вместе с ними причаститься. Делать нечего, он пошел предлагать по кусочку всем остальным, давал каждому в руку; а потом таким же порядком всякому давал пить из чаши, произнося слова причащения. После причащения он прочитал молитву и пропел гимн причастный. В заключение он всех благословил воздеянием рук. Странное общение людей разных сект: тут кто методист, кто конгрегационалист, кто епископал, кто пресвитерианец — и все они одинаковое имеют церковное общение. А между тем англикане говорят, что они с сектантами не имеют церковного общения. Вот и верьте им и вступайте с ними в общение. А самую тайну причащения как недостойно они совершили: основательно пообедали, подвыпили, пошутили, посмеялись и в заключение — духовное утешение в знак следования по пути креста Христова.

От Гонолулу с полдороги погода сразу переменилась на зимнюю; вдруг подули страшные ветры, а однажды даже настоящая буря была, так что сорвало парус; пошел дождь и нечто вроде снега, стало ужасно холодно и сыро; началась большая качка, но она на нас уже не действует —

привыкли; ход тихий, так как винт обнажается на волнах. Вот уже идем 11-й день от Гонолулу; вероятно, сегодня, декабря 25-го, ночью придем в Йокохаму.

Сегодня вечером Mr. Taylor в библиотечной комнате публично рассказывал о китайской миссии, начатой им именно 40 лет тому назад. Сначала у них было всего только человек 20 миссионеров; но он, веруя завету Иисуса Христа — сеять, а дальнейшее предоставить Богу, начал дело проповеди в открытых для иностранцев приморских городах. Сначала и средств не было почти никаких, но Бог не оставил. Один человек предлагал 8000 долларов, чтобы их положить в банк на дальнейшие нужды миссии; но Mr. Taylor отклонил это приношение, сказавши, что средства нужны теперь, а в дальнейшем мы не властны; Бог не оставит Своею помощью. И потом действительно скоро помаленьку нашлись и средства на дело; а затем появились и люди для проповеди, так что составила довольно порядочная компания миссионеров. После этого они постепенно проникли и в глубь страны, раз навсегда поставивши для себя — делать по ней постоянный обход. Сначала над ними смеялись, как над мечтателями, говорили, что миссионеры хотят прошибить непреступную стену и т. п. И народ сторонился от них; пустили молву, что миссионеры для каких-то своих проделок будто бы выкалывают глаза у детей. А потом постепенно присмотрелись и привыкли к миссионерам, увидавши, что ничего худого, кроме хорошего, они не говорят и не делают. Главная черта китайца — неподвижность на все новое от своего старого, к которому он прочно привык; но если он раскачается и примет христианство, то примет его основательно и убежденно и в нем серьезно и постоянно пребудет искренним последователем. Это, прибавил Mr. Taylor по нашему адресу, китайца отличает существенно от японца, который на все новое легкомысленно и, любопытствуя, скоро набрасывается и принимает, а потом бросает. В миссионеры, хотя к нему и многие просились, но он делал строгий выбор, не заботясь о количестве миссионеров, он принимал только тех, которые при себе имели карманную Библию и постоянно неопустительно читали ее. Так постепенно дело началось и возросло; теперь там в Китае множество и миссионеров, и миссионеров, из которых и теперь некоторые с ними едут туда, множество и христиан хороших.

Рассказал он один весьма замечательный случай обращения в христианство: зашел, говорит, я в один город, поднялся на гору к языческому храму, христиан там совсем не было, помолился я тут среди природы Богу, чтобы здесь насадил Он христианство, и сам остановился жить в городе. Один китаец по делам часто обращался к нему за различными разъяснениями и книжками, между ними он дал ему и Библию, которую китаец, однако, никак не хотел читать и бросил в угол, придя домой. Советовавшему ему читать ее Mr. Taylor'у он говорил: как я буду ее читать, если вы говорите, что не всякому она понятна? Mr. Taylor объяснил ему, что перед чтением нужно помолиться Богу, чтобы открыл разум и сердце к уразумению Библии. Как же, говорит, я буду молиться Богу, Которого не знаю и в Которого не верую? А в таком случае я о вас помолюсь и вы помолитесь от души, и Бог нам поможет. Однако раза два Библия попадалась ему на глаза и в руки, но он ее небрежно откидывал. А на третий невольно взялся за нее и сказал: если есть Бог, то да откроет Он мне разуметь Библию. И потом так увлекся чтением, что читал ее, пока окончательно не пришел к христианству, и пришел скоро и очень искренно. Но когда пришло время крещения, то оказалось, что жена его совершенно против того и не хотела ничего слушать об этом. Тогда китаец решил: если обо мне молился миссионер и мне Бог помог, то почему же и мне о ней не помолиться? И после сердечной молитвы раз наедине с женою повел беседу о Едином Боге. Жена слушала, да и говорит: о Едином Боге я давно знаю: когда было возмущение в стране, то я от возмущившихся заперлась в своей комнате и молилась: Небесный Дедушка, спаси меня от неприятелей; и действительно, кругом все было разрушено, а мою дверь как-то прошли мимо, и я осталась жива и невредима. И вот и она постепенно просветилась; оба сделались христианами и такими ревностными, что сами постоянно

проповедуют о Христе и говорят: не можем не проповедовать, если все в нас о том говорит. Такова краткая история этого дела. Теперь в Китае уже до 700 миссионеров из разных стран. Укорительно посматривая на нашу сторону, Mr. Taylor при этом прибавил: есть и из России, именно из Финляндии, и весьма ревностные проповедники. Вот что поведал о своем 40-летнем деле этот старичок. Значит, сколько идеализма среди их учащейся молодежи!

Нужно заметить, что в Америке все почти университеты стараются устраивать не в больших городах, а в самой провинции, даже в селах незначительных; ибо там-то в тиши и может быть настоящая колыбель и науки, и всего духовного и чистого; там-то юноши и научаются действительно серьезно готовиться к предстоящей им жизни; а жизнь учащейся молодежи в городах, ввиду знакомства именно с самою этою жизнью, чтобы юноши знали то, что будут потом иметь как почву для своего дела, — именно это-то самое уж очень их сближает с обыденною жизнью и их, еще не окрепших, постепенно делает совершенно обычными людьми, задающимися теми же интересами, какие господствуют в мире сем, прелюбодейном и грешном. Американцы это поняли и стараются своих юношей по возможности уединить от суеты житейской, желая в них видеть здоровое молодое поколение, которое потом будет в состоянии внести в жизнь новые светлые начала, обновить жизнь. И их молодежь, очевидно, на самом деле отвечает таким желаниям своих стариков, если среди нее является столько людей, которые идут к народу неведомому и по своим силам трудятся там в деле проповеди. С нами ехавший студент, член «Общества молодых людей для воспитания человечества на началах христианства», — очень чистый юноша, очень нравственного настроения душевного. Если не все, то, вероятно, много таких там, а это и благо школы, умеющей вложить идеализм и нравственные стремления в своих питомцев.

И в обществе там весьма большой интерес к христианству и его проповеди среди язычников. Англия, например, дает только одних пожертвований до 8 миллионов рублей, и только на одно Церковное миссионерское общество, не говоря о других миссионерских обществах и учреждениях, а правительство на это ничего не отпускает из своих сумм. Все этим делом живо интересуются: газеты переполнены религиозным элементом; очевидно, спрос на то есть. Во время путешествия по Америке мы часто на дороге брали газеты; в каждой непременно есть религиозный отдел и сведения о разных религиозных делах. Отчеты о миссиях печатаются громадными роскошными книгами во множестве экземпляров для раздачи и продажи и встречают большой интерес в обществе. Миссионеры или путешественники устраивают разные чтения о миссии и христианстве, и чтения переполнены и дают не только прекрасный сбор, а и богатые пожертвования на дело проповеди. И это в такой коммерческой стране, как Америка. Там какая-нибудь старушка сидит над Библией, читает ее и проповедует о Христе. И на пароходах, и в других случайных благоприличных местах устраивают богослужение и проповедь. К сожалению, и это у них не обходится без некоторых странностей, как и все у сектантов. Они часто проповедуют даже на открытом воздухе: остановится среди улицы миссионер и начинает проповедь о Христе; проходящие останавливаются, прислушиваются, иной заинтересуется, а иной пройдет; но миссионер не смущается, даже если и никто его не слушает, все-таки говорит. К чему это? Не есть ли это некоторое омирщение дела проповеди, могущее повести и к унижению его. Благодаря этому, вероятно, японцы теперь в большинстве случаев наслышались таким путем о христианстве и уже настоящую проповедь слушать не хотят: знаем-де мы все это, слышали не раз. Это уж чисто свойственная сектантам излишняя экзальтированность. И как действительно похожи по характеру духовному наши сектанты на всех этих протестантов. Физиономия духовная совершенно тождественная: видно, что одни родились от других. На пароходе прочитал я несколько методистских брошюрок мелкого издания, их тщательно Mr. Taylor распространял между пассажирами; эти брошюрки

совершенно такого же характера, как ходящие у нас сектантские брошюрки, — о спасающей вере, о том, что Христос есть Пастырь и т. п. Одни жалобные благочестивые слова, наводящие скуку своим однообразием и, в сущности, бессодержательностью. Они не могут совсем и сравниваться с нашими, например, «Троицкими листками». А если бы умело издавать краткие для народа брошюрки и листки на основании богослужебных книг и святых отцов, то это было бы несравненное с сектантскими вещаниями богатство духовного содержания. И, однако, при этом сектанты усиливаются количественно, именно потому, что неутомимо трудятся в своем деле, отвечая насущным запросам в обществе, давая пригодную пищу жаждущей душе народа. А жатва действительно многа всюду: и за границей, и в язычестве, и у нас на родине. Теперь не то, что было в минувшую пору: все ищут правого пути жизни, только сумеет бы дать на это вовремя и прямой ответ, чтобы не пришли злые враги и не похитили себе душу немощную. Как жаль, что и при всеобщем религиозном возбуждении в Европе и Америке о нас ничего не знают хорошего, кроме всяких темных рассказней, а о православии говорят, что это только мертвая форма без жизни, как выражается вышеуказанный отчет Церковного миссионерского общества, когда, заключая отдел об успехах протестантства в Японии, прибавляет: «и время покажет, что возьмет верх: мы или христианство, в котором осталась одна только мертвая форма без жизни», под которым они всегда разумеют православие. Вот что я вынес из краткого знакомства с Америкой и ее случайно встреченными в путешествии деятелями. Есть кой-чему у них и нам поучиться, при всей их беспочвенности и неосновательности религиозной.

Праздник Рождества Христова приходится встречать в дороге, далеко от православного храма. Все-таки мы постарались отправить ради этого великого дня службу по имевшимся у нас книгам. Стихиры и канон взяли из воскресной службы 8-го гласа, ирмосы пропели праздничные, а равно тропарь с кондаком; это с вечера. А в самый праздник отправили обедницу. И все-таки как будто у праздника: на душе повеселее, хотя с замиранием сердечным думаешь о том, что там далеко все такие радостные и хорошо настроенные теперь, или в церковь идут, или уже домой возвращаются в родные кровы и к дорогим сердцу людям. Христа славят там все.

Ныне мы накануне прибытия в Страну Восходящего Солнца, где Бог судил нам теперь трудиться. Как-то Он благословил нас на сие дело? Как-то встречусь со всеми тамошними — и народом, и деятелями, а главное, с Преосвященным Николаем. После тоекратного опыта я сам-то уже отвык думать о некоторой продолжительности пребывания в том или другом месте. И теперь вот на третий год после академии приходится уже на третье место перебираться с весьма дорогих сердцу мест. Завтра буду в Японии, а надолго ли и там — Бог весть. Одно знаю, что в конце концов все бывает по воле Божией и все Им ус-трояется к лучшему, только бы нам не расстраивать Его планов своим вмешательством и своеволием. Где бы ни жить, только бы с Богом, да дело Его делать. Благослови, Господи!

Примечания

Все тексты первого тома публикуются без стилистической правки, по правилам современной орфографии и пунктуации с сохранением особенностей авторского правописания.

На будущее

Бытописец, историк.

Святитель Нектарий Эгинский, митрополит Пентапольский (1846—1920). Причислен к лику святых Греческой Православной Церкви.

Братия, я не почитаю себя достигшим; а только, забывая заднее и простираясь вперед, стремлюсь к цели, к почести вышнего звания Божия во Христе Иисусе ([Флп. 3:13-14](#)).